

Я всегда очень внимательно отбираю фотографии для публикации в Интернете. У меня есть свой блог и публичные страницы во всех социальных сетях. Я делаю обновления в фотоальбомах два раза в месяц — после каждого моего путешествия. Я известная личность на просторах Интернета. Матвей Синичкин — известный путешественник, блогер, автор интереснейших путеводителей, везунчик, которому удается делать уникальные фотографии самых потаенных городских переулков и отыскивать никому не ведомые культурные памятники.

Я щедро делюсь своими открытиями с людьми. На моих страницах огромное количество подписчиков. Я буду продолжать делиться с миром своими путевыми заметками до тех пор, пока это кому-то будет интересно. И, даже если не будет, я все равно продолжу свои путешествия и рассказ о них на всех доступных мне ресурсах. Это мое призвание, это моя жизнь.

Где же я путешествую? Всегда по одному и тому же месту — по городу Санкт-Петербургу. Пожалуй, я лучший знаток этого города. Ну или один из лучших. В Интернете мне часто задают вопросы, как я нахожу так много невероятно интересных уголков, о которых, возможно, не знают даже местные жители?

Ответ прост: я досконально изучаю этот город, захожу в каждый двор, в каждую открытую дверь, поднимаюсь на каждую доступную крышу (порой получить этот доступ стоит мне немалых усилий). Потаенные улочки и дворики Петербурга — мои излюбленные места.

Но я ни в коем случае не отношусь к тем возгордившимся путешественникам, которые воротят нос от мегапопулярных туристических мест. Я люблю разный Петербург: и блестящий, заполненный улыбающимися людьми с огромными фотоаппаратами, и грязно-серый, населенный пьяными бомжами, страшными, опухшими, косматыми.

Два раза в месяц я беру легкую спортивную сумку, складываю в нее необходимые для двухдневного путешествия вещи и отправляюсь изучать свой Питер. Я всегда останавливаюсь в разных хостелах. Никогда, даже если хостел мне очень понравился, не заезжаю в него второй раз. Это часть моего исследования, и поэтому я стараюсь побывать как можно в большем количестве хостелов — и подороже, и подешевле.

В них я делаю фотографии: и номера, и кухни, и туалетов, и душевых кабин, и коридоров, и холлов, и даже лестничных клеток. Фотографии и подробный рассказ о хостеле с указанием его плюсов и минусов обязательно публикую в своем

блоге и на своих страницах в социальных сетях. Иногда в мой объектив попадают и администраторы. Их фотографии (но только если они получаются действительно хорошими, а хостел мне нравится) я тоже публикую на интернет-ресурсах. Эта информация интересна огромному количеству людей, меня часто спрашивают о том, где бы я посоветовал остановиться первооткрывателям Питера, и именно по моим рекомендациям множество людей определяется с местом своего петербургского приютища.

Вот и вчера вечером я вернулся домой из своего путешествия, а сегодня с утра уже отправился на работу.

На работе никто не знает о том, как я провожу свой уикенд. Они считают меня обычным сереньким пареньком довольно нескладной наружности с сомнительными умственными способностями.

Я работаю менеджером по продажам. Продажи у меня идут плохо. За это от начальства мне постоянно достается. Меня не любят на работе. А я не люблю работу. Пять дней в неделю сижу и жду, когда придут выходные и начнется моя настоящая жизнь.

2

Я сидел на своем рабочем месте и внимательно просматривал свеженькие питерские фотографии, сделанные буквально вчера. Погрузившись в этот увлекательный процесс, я совершенно забыл, что нахожусь в офисе, мысленно бродил по любимым питерским улочкам, дышал тяжелым северным воздухом, строил планы на дальнейшие путешествия... Но неожиданно мои размышления были прерваны.

— Синичкин! К директору! — позвал меня коллега, как раз выходявший из его кабинета.

«Опять...» — пробубнил я себе под нос, вставая со стула (высоту моего стула можно было регулировать, и я всегда опускал его по максимуму вниз, так, что меня практически не было видно из-за компьютера и стола; когда же мне приходилось общаться с клиентами, я судорожно поднимал сидение вверх и вырастал из-под стола, словно гриб).

— Что от меня нужно? — едва слышно спросил я у своего коллеги (модного, щеголеватого молодого человека в новеньком костюмчике, безупречно сидевшем на нем).

— Вот уж не знаю. Но, судя по интонации, с которой было названо твое имя, ничего хорошего ваше общение не предвещает, — он панибратски ударил меня по плечу и как-то снисходительно посмотрел на меня.

На его фоне я выглядел замухрышкой: длинный, худой, сутулый, с тощими светлыми волосами, в несовременных очках, нелепо сидящих на масляном носу (модные очки у меня имеются, но я надеваю их только, когда отправляюсь в путешествие). Обычно я хожу на работу в дурацких темно-серых брюках, дешевых джемперах с треугольным вырезом (у меня их было штук пять) и блеклых рубашонках. Сегодня на мне был голубой джемпер с горизонтальным орнаментом и бледно-розовая рубашка. Не знаю, почему я одевался на работу так, чтобы выглядеть максимально незаметным. Это было не вполне осознанно. У меня были нормальные модные вещи, но их я надевал исключительно в те дни, когда отправлялся в путешествие.

Я постучал в дверь кабинета директора и медленно приоткрыл ее.

— Ольга Павловна, вы меня звали? — спросил я, скорчив на лице неприятную гримасу (очки сильно сползли с носа, и я хотел поправить их, сморщившись, как высушенный лимон).

Ольга Павловна — наш директор, яркая строгая женщина лет сорока, крашеная блондинка, всегда красиво, но, пожалуй, не совсем умеренно для офиса накрашенная, любящая деловые костюмы сочных цветов и вообще симпатизирующая всему, что сразу бросается в глаза, притягивает внимание с первого взгляда и просто не может быть незамеченным. Директор брезгливо посмотрела на мою гримасу и, опустив взгляд на какие-то документы, лежавшие на ее столе, сказала:

— Заходи, Матвей, что ты все время мнешься на пороге?

Она вновь подняла глаза на меня, и я пошел в кабинет.

— Дверь за собой закрой, — сказала она.

Я послушно закрыл дверь и попытался сделать шаг вперед. Ноги казались какими-то негнущимися, неуправляемыми, я чувствовал себя совершенной корягой. Странно. Я был всего лет на десять младше директрисы, но почему-то чувствовал себя перед ней сущим подростком, вызванным на ковер к директору школы.

Нельзя сказать, что я боялся ее. Я просто очень сильно не хотел с ней разговаривать, так как заранее примерно знал, что она мне сейчас скажет, знал также, что все ее слова и попытки повлиять на меня не принесут никакого результата, ничего не изменится, я останусь такой же корягой, она — такой же сильной, успешной женщиной, а мой коллега, вышедший минуту назад из ее кабинета, — слащавым щеголем.

Бесполезность, бессмысленность происходящего угнетала меня. Я не хотел ничего менять на своей работе. Не хотел нравиться директрисе (но и не пытался специально не нравиться ей). Мне было все равно.

— Садись, — указала она мне на стул.

Я сел и еще раз с помощью отвратительной гримасы попытался исправить положение очков.

— Матвей, тебе известно, что у тебя стабильно самые низкие показатели среди всех менеджеров нашей фирмы? — начала бесполезный разговор Ольга Павловна.

Я пожал плечами и снова сморщил нос. Теперь я казался себе червяком, извивающимся на стуле.

— Если тебе это неизвестно, то я сообщаю тебе данную информацию, — продолжила она.

Она посмотрела на меня как-то снисходительно, с жалостью. И теперь противно стало мне. Не знаю, что именно мне стало противно: то ли выражение ее лица, то ли мое ощущение себя как человека, к которому можно испытывать только жалость.

— За два года работы ты еще ни разу не выполнил план продаж, — она продолжала смотреть на меня — пристально и с все с той же мерзкой жалостью, — притом что твои коллеги с легкостью выполняют его и даже перевыполняют.

Она смотрела на меня. Я смотрел в сторону.

— Тебе что, не нравится работать у нас?

— Нравится, — соврал я.

Ольга Павловна не ответила. Она долго и молча смотрела на меня. Она пыталась понять меня. Я молчал и смотрел в сторону.

— Почему ты опять опускаешь так низко свой рабочий стул? — спросила она наконец. В ее голосе уже ощущалось нарастающее раздражение.

— Нравится, — я снова пожал плечами. Наверное, я выглядел, как ничтожество.

Она не выдержала. Со всей силы хлопнув рукой по столу, она буквально прокричала:

— Еще раз увижу такое положение стула — уволю!!!

Я продолжал смотреть в сторону и молчать.

— Если бы не твоя мать, Синичкин, я бы давно уволила тебя, — произнесла она сурово, но гораздо спокойнее. — Иди на свое рабочее место и работай, пожалуйста.

Я встал со стула и вышел из кабинета.

Чтобы добраться с работы до дома, мне нужно было сначала ехать на метро, а затем на автобусе. Я не сразу привык к такому длинному маршруту, хотя ежедневно, будучи студентом, проделывал почти такой же путь из дома до университета и обратно еще на заре туманной юности. Как это ни парадоксально, я не люблю долгую дорогу. Хотя я и путешественник. Для этой нелюбви у меня есть веские причины...

После сегодняшнего рабочего дня мне было просто необходимо освежить голову. Я решил немного пройтись по улице — хотя бы до следующей станции метро. К тому же погода стояла уже совсем весенняя: март был в разгаре, всюду чернел и таял снег, воздух стал каким-то мокрым и начал по-особенному, по-весеннему пахнуть. Люди повсюду уже ходили без шапок, и даже шарфы, повязанные поверх толстых курток, висели как-то нарочито небрежно.

«Отправляюсь в эти выходные снова в путешествие, — думал я, вдыхая влажный воздух и стараясь как можно точнее ощутить его запах, — ну и что, что в прошлые выходные уже ездил. Потрачу чуть больше денег, чем было запланировано. Мне нужно отвлечься! Иначе эта работа, а особенно директриса, да и все они доведут меня до тяжелой депрессии!»

Путешествия неоднократно служили мне средством восстановления душевного равновесия и даже уберегали меня от резких, необдуманных поступков. Об этом я не раз писал в своем блоге.

Мой блог... Вот еще один способ сбежать от кошмара, в котором мне придется пребывать изо дня в день. Сколько раз, усаживаясь за описание очередной питерской прогулки, я забывал обо всем на свете и, оставаясь наедине со своими фотографиями и воспоминаниями, обретал наконец душевный покой. Сейчас приду домой и сразу засяду в Интернет. Буду писать о замерзшей Фонтанке и бесстрашных утках, обитающих среди ее льдов...

В Интернете меня часто спрашивают: почему я выбрал именно Санкт-Петербург? Почему я возвращаюсь в него вновь и вновь? О, это странная, пожалуй, почти невообразимая история. История, которая отвечает и на вопрос, почему путешественник Матвей Синичкин не любит длинных дорог. История, которую я никому никогда не рассказывал.

Причина моих питерских скитаний проста до невероятности. А корнями она уходит в мое далекое детство.

Я родился и вырос в небольшом промышленном городе Дзержинске Нижегородской области. Мой отец работал в мастерской по ремонту бытовой техники, мать — секретарем в какой-то госконторе. С матери-то все и началось. Она была да и остается по сей день страшной мечтательницей. Ей всегда хотелось и хочется что-то изменить, осуществить какие-то планы, ее манят незримые дали, притягивает к себе все, что хоть как-то отличается от повседневности, будничности. Самой же серьезной ее мечтой и, пожалуй, даже страстью являются путешествия.

С раннего моего детства я слышал от нее о невиданных ею самой городах и странах, она показывала мне карты, крутила передо мной глобус, читала книги о дальних странствиях, особенно о таких, которые были сопряжены с опасностью. Я с увлечением слушал мать и потихонечку сам начинал интересоваться различными

загадочными местами на нашей планете. В десять лет я решил, что как только стану взрослым, непременно отправлюсь в кругосветное плавание.

С одобрения матери я завесил свою комнату картами, завалил книгами о морях и пиратах, по дому начал ходить в полосатой тельняшке, а ложась спать, представлял, что нахожусь не в комнате, а в каюте, когда же за окном шумел дождь, я с наслаждением рисовал в своем воображении шторм.

Пока я лелеял свою детскую мечту о морских приключениях, моя мать лелеяла другую мечту. В какой-то момент она совершенно точно поняла, что довольствоваться чтением журналов и просмотром телепередач о том, как другие люди совершают экстремальные поездки в экзотические страны и опасные восхождения на самые высокие горы, ей уже совершенно недостаточно.

Пришло время и ей сделать решительный шаг, стряхнуть с подошв промышленную пыль серого провинциального города и отправиться навстречу неизведанному. Она начала грезить переездом. Отец всячески противился этой безрассудной идее, называл свою жену взбалмошной женщиной, приводил веские аргументы к тому, почему Дзержинск покидать — верх безумия, рассуждал о квартире, которую он заработал потом и кровью, о работе, которой совершенно доволен и не собирается ее менять, а после грандиозного скандала, разразившегося в один из будничных дзержинских вечеров (а по вечерам моя мать впадала в страшную тоску), он запретил ей поднимать тему переезда под угрозой развода.

В подтверждение своих слов он схватил табурет и одним движением разбил его об пол. Мать замолчала. Месяца на три. А потом опять начала потихонечку, сначала полупонамеками, а потом все более явно говорить о том, как ей грустно жить в этом городе, о своих несбыточных мечтах и о прекрасных местах, которые есть на свете, но которые ей, увы, увидеть не дано.

Так продолжалось около четырех лет. Я наблюдал за всем этим и, честно сказать, даже не знал, чью сторону принять. С одной стороны, я понимал отца — действительно, ехать куда-то в неизвестность было страшно (отец считал — глупо и бессмысленно), я был тихим и скромным мальчиком, с трудом заводил знакомства, в школе имел двух друзей, расстаться с которыми для меня было бы катастрофой, — за всю свою жизнь ни с кем, кроме них, я никогда не дружил, и мысль о полном одиночестве ужасала меня.

С другой стороны, я очень хорошо понимал мать и разделял ее тягу повидать мир, поменять место жительства казалось для меня потрясающим приключением, и я, конечно, уже фантазировал о том, как там будет, где-то, в неведомом краю...

Через четыре года бесконечных уговоров матери отец сдался. Это произошло как-то неожиданно. Однажды он пришел с работы сильно уставшим, мать стала накрывать на стол и, накладывая в тарелку салат, вдруг разрыдалась со словами: «Не хочу, не могу здесь больше жить». Отец закрыл руками лицо и измученным голосом проговорил: «Поехали. Говори, куда и когда. Сил моих больше нет это слушать. Я готов поехать куда угодно, лишь бы ты замолчала». Мать сразу же просияла, бросилась ему на шею и немедленно начала строить планы.

В лето, после того как я окончил девятый класс, мы переехали. Мать выбрала нашим новым домом город, в котором ни разу не была, но который нарисовала в своих мечтах чуть ли не лучшим городом на Земле. Мы переехали в Санкт-Петербург.

Вопреки ее мечтам мы поселились не в старинном особняке в Центральном районе, а в обыкновенной «коробке» в самом типичном «спальнике» на окраине. Тот Питер, ради которого туристы со всего земного шара съезжаются в город-легенду, мы видели изредка в выходные дни.

С первых же дней переселения всю нашу семью, а особенно меня и отца, начало охватывать какое-то неприятное, давящее чувство. Тяжелый климат север-

ного города щедро подпитывал его. Мои надежды на яркую насыщенную жизнь в культурной столице совершенно не оправдались, а мои опасения погрузиться в беспросветное одиночество сбылись в полной мере.

Даже мать с первых же дней как-то погрустнела. Но она изо всех сил старалась не показывать этого, притворялась веселой и полной надежд, улыбалась и любовалась из окна серым небом, висящим над убогим микрорайоном.

Однажды из этого окна я увидел страшное. Был обычный серый питерский день. Я стоял у окна и наблюдал за тем, как несутся автомобили по широкой дороге. Я рассматривал их цвета, пытался определить марки и фантазировал, куда все они могут ехать. Для некоторых автомобилей я придумывал целые истории, воображал пассажиров, пункт отправления, пункт назначения, прокладывал маршрут...

Вон в той красивой желтой машине, должно быть, едет семья: отец, мать и дочка. Дочка гладит веселого белого пуделя, расположившегося около нее на заднем сидении. Пудель непрерывно крутит головой по сторонам и шумно дышит, высунув язык. Интересно, откуда они едут и куда?..

А вон в том черном джипе, сильно забрызганном грязью, наверняка едет молодой накачанный мужчина, участвовавший в гонках по бездорожью. Он проделал тяжелый и опасный путь и теперь возвращается домой, где немедленно отправится в душ, после чего, усевшись за ужин, будет рассказывать красавице-жене о своих приключениях.

Вон в тех стареньких «Жигулях» обязательно должны ехать седовласые супруги: бабушка и дедушка, ехать они должны с дачи, дедушка сидит за рулем, а бабушка — около него, на переднем сидении, она держит в руках корзину с зеленым луком, базиликом и укропом и приятным спокойным голосом говорит о лейках, грядках, теплицах...

Как много в Питере машин! Все куда-то едут, торопятся... Как интересен мир с его людьми, у каждого из которых своя неповторимая судьба... Наверное, я мог бы вот так простоять у окна несколько часов... Если бы мои размышления не прервал жуткий звук, донесшийся с дороги. Я услышал душераздирающий скрежет, свист, скрип, а через мгновение увидел, как несется с дикой скоростью серебристая легковушка и как выбрасывает ее на встречную полосу, по которой мчится большой поток машин... В той аварии погибло восемь человек, в столкнувшихся лоб в лоб автомобилях ехали семьи, в одной из которых был ребенок, в другой — трое.

Это жуткое происшествие оставило в моей душе неизгладимый след. Я стал панически бояться дороги. Даже по пешеходному переходу почти бежал, стремясь к тротуару как к спасительному острову среди бушующего океана. Я везде старался ходить пешком, транспортом пользовался в самых крайних случаях, и каждый раз, садясь в автобус или троллейбус, я начинал молиться, обливаясь холодным потом и до боли сжимая кулаки...

С мечтами о путешествиях было покончено. Мать продолжала рассказывать мне о счастливой жизни людей, имеющих возможность смотреть мир. Она старалась убедить меня в том, что увиденная мной авария не должна влиять на мой интерес к странствиям, она говорила, что смерть всегда является ужасной неожиданностью и наступить может не только на дороге, умереть в собственной постели — не менее вероятно, чем разбиться на машине или самолете. Я все это понимал, но преодолеть в себе ужас перед дорогой никак не мог.

К тому же наш переезд, который никому из нас (по крайней мере, пока) не принес ни капли счастья, так же настраивал меня против дорожных приключений. Не могу сказать, что дальние города и страны перестали манить меня.

Я по-прежнему с интересом читал о них, смотрел фильмы и передачи, посвященные путешествиям. Однако из мечтателя, строящего планы посещения самых

диковинных уголков нашей планеты, я превратился в географа-теоретика, досконально изучающего карты мира, но довольствующегося чужими впечатлениями о тех или иных местах.

Переезд в Петербург очень сильно изменил жизнь нашей семьи. Как и предполагал отец, у нас начались серьезные финансовые проблемы. Порой мы несколько дней подряд ели только вареный картофель и какие-то крупы. Не на что было купить ни чая, я даже хлеба.

Отец ходил хмурый, но мать не попрекал. Думаю, если бы он начал это делать, то остановиться бы уже не смог, и закончилось бы все это грандиозным скандалом, а как итог — разводом. Отец это хорошо понимал и изо всех сил сдерживался. Хотя давалось это ему, мягко сказать, с трудом.

Он никак не мог найти хорошую работу, я видел, как он переживал из-за этого. Во всех мастерских, в которые он обращался, ему отказывали. А, надо сказать, специалистом в своем деле он был высокого уровня, в Дзержинске его называли «золотые руки», он любил заниматься ремонтом бытовой техники, это была не просто работа для него, это было его творчество, дело, в которое он вкладывал душу. Теперь, когда он не мог найти применения своему таланту, он чувствовал себя несчастным, молча злился на жену и на себя — за то, что позволил произойти этой величайшей в его жизни глупости.

Однажды я застал его курящим на балконе. Он не видел меня. Курил и разговаривал сам с собой вслух: «Идиот! Какой же я идиот! Ладно, жена — взбалмошная! Но я-то! Взрослый, сорокапятилетний мужчина! Как я мог согласиться на этот абсурдный переезд??? Я виноват! Виноват, что сижу теперь без работы! И поделом мне!»

После двухмесячного скитания отец решил на унижительный для него поступок. В одну из мастерских он устроился грузчиком. Делать было нечего, на что-то было нужно хотя бы есть. Ему предстояло три года проработать в этой должности, до тех пор, пока в мастерской не появилась вакансия мастера, которую ему все-таки удалось занять. Только после того, как он вновь смог заниматься делом, которое считал своим призванием, я наконец увидел в его взгляде свет и спокойствие.

Я пошел учиться в десятый класс местной школы. Все мои опасения по поводу того, что я не смогу найти себе новых друзей, полностью оправдались. В классе, в который меня определили, много лет существовали маленькие группировки, отношения в которых строились по своим внутренним законам, и новичков там никто не ждал.

Все два года я просидел один за задней партой, и даже на переменах я один слонялся по школьным коридорам, как привидение, заблудившееся в мире живых и неспособное установить контакт ни с кем из его представителей.

Преимущество в такой жизни было одно — от невыносимой скуки я начал хорошо учиться. Мне просто было совершенно нечем заняться, не с кем разговаривать, мотаться по улицам, обсуждать свои подростковые проблемы. И я занялся учебой. Один из всего класса я выполнял домашние задания по всем предметам. И, надо сказать, мне это стало даже как-то нравиться.

Десятый класс я окончил с одной тройкой — по алгебре (все-таки этот предмет давался мне с трудом), а в одиннадцатом мне удалось и алгебру вытянуть на твердую четверку, по всем гуманитарным предметам у меня стояли твердые «пять», пятерка каким-то чудом вышла у меня и по геометрии. И это притом, что в Дзержинске я уже с шестого класса болтался между «тройками» и «четверками» по всем предметам и сам себя не считал особо одаренным в каких-либо науках. Пожалуй, это было единственным приятным для меня следствием переезда.

По сути же, я был очень несчастен. Потому что был очень одинок, потому что в семье усугублялся разлад, и я расстался со своей детской мечтой стать путешественником. Прежняя жизнь разрушилась, а новая все никак не начиналась...

Из всей нашей семьи только мать сумела довольно быстро (месяца через три после переезда) адаптироваться в городе. Возможно, это удалось ей потому, что в действительности этот переезд ей одной и был нужен, и, наверное, еще потому, что она хотя бы примерно представляла, в какую сторону она хочет менять свою жизнь и что ей для этого необходимо.

Она решила сделать путешествия своей профессией. Сначала она начала ходить по турфирмам и пытаться устроиться на работу туда. Однако без опыта, без специального образования и без петербургской прописки (а все мы по сей день прописаны в Дзержинске) ее никуда не принимали. Тогда она начала обращаться в экскурсионные бюро и задалась целью стать экскурсоводом, но на эту должность ее, разумеется, тоже никто не брал. Удалось ей устроиться лишь уличным продавцом экскурсий по Санкт-Петербургу и его пригородам.

Каждый день в любую погоду ей нужно было стоять у Гостиного двора и кричать в рупор о том, какие поездки предлагает их бюро. Отец сказал, что эта работа — настоящий кошмар, он не понимал, зачем жена променяла уютное место в Дзержинской госконторе на ежедневное восьмичасовое стояние под пронизывающим ветром на Невском проспекте. Он был уверен, что жена продержится не более месяца, а потом сляжет с жестокой простудой и больше никогда не вернется на эту работу.

Но отец ошибся. Мать держалась поразительно стойко, и, как только начали появляться первые деньги, она отправилась учиться на курсы экскурсоводов. Мечта вела ее за собой. Мать преодолевала все трудности с завидным упорством, и даже унылый вид из окна нашего нового дома в скором времени перестал угнетать ее. Спустя полтора года работы уличным продавцом она стала экскурсоводом. Первую свою туристическую группу она повезла в Кронштадт. Вернулась оттуда она уставшая, едва стоявшая на ногах, но счастливая, с точным осознанием того, что она нашла свое место в жизни.

Нам же с отцом только предстояло найти свое. Спустя три года работы грузчиком папе наконец удалось вернуться на должность мастера по ремонту бытовой техники. После этого события дела в нашей семье наконец-то пошли на лад. Отец повеселел, перестал остро тосковать по Дзержинску и даже сумел подружиться с двумя своими коллегами, с которыми изредка стал выбираться на рыбалку.

Он не изменил своего мнения о том, что переезд в Петербург — самая большая глупость в его жизни, и при случае не забывал напомнить матери, что по ее милости навсегда закончилась нормальная жизнь нашей семьи. Но он стал как-то спокойнее и даже радостнее. Безусловно, на его настроение теперь влияло то, что он вновь начал заниматься любимым делом и что самые серьезные финансовые сложности остались позади.

Моим радостным событием стало окончание школы. Я с нетерпением ждал этого все два года учебы в Питере. Теперь у меня появилась надежда найти свое место в жизни. Мне предстояло стать студентом одного из петербургских вузов, а это значит — погрузиться в изучение чего-то совершенно нового, а главное — попасть в новую среду, в коллектив людей, где никто друг друга не знает, все открыто знакомству, поэтому — у меня наконец-то появится шанс обрести друзей.

С детства увлеченный путешествиями, выросший среди материнских рассказов о дальних странах, среди географических карт и глобусов, с самых юных лет представлявший себя только путешественником, я встал перед сложной задачей. Куда мне поступать? После аварии, увиденной мной из окна петербургского дома, я

стал панически бояться дороги. Передвижение на любых транспортных средствах стало для меня мукой. Я совершенно точно понимал: моя будущая профессия не должна быть связана с перемещениями на большие расстояния.

Отец рекомендовал мне выбирать техническую специальность: «Это настоящее мужское образование, серьезное, структурирующее мышление. С технической специальностью не пропадешь». Мать советовала слушать сердце, выбирать то, к чему лежит душа и к чему есть способности. География — единственный вариант, который приходил на ум мне.

— Поступай в педагогический, будешь учителем географии, — говорила мать.

— С ума сошла? — противостоял ей отец, — парень — учитель географии? Курам на смех. Кто за него замуж пойдет, с его учительской зарплатой?

Идея поступить в педагогический мне нравилась. Учеба там представлялась мне интересной. Однако я знал себя и понимал, что не выйдет из меня учителя с моим неумением общаться с людьми.

— А может, тебя как раз научат с ними общаться? В университете. Наверняка у вас будет много психологических и педагогических дисциплин, — убеждала меня мать.

И ей удалось меня уговорить. Снова все вышло по-маминому. Я поступил в педагогический и через шесть лет должен был стать учителем географии.

На нашем курсе оказалось какое-то невообразимое количество девчонок. На тридцать девушек приходилось пятеро парней (включая меня). Вообще, вузы, готовящие педагогических работников, славятся изобилием девушек, но все-таки у нас был не филологический факультет и не факультет дошкольной педагогики, поэтому состав нашего курса меня весьма удивил.

Разумеется, все пятеро парней в первый же день объединились, на лекции сели вблизи друг от друга, а на перемене немедленно перезнакомились и завязали приятельские отношения. Все пятеро были скромными, ничем не примечательными с виду людьми.

В школе такие никогда не бывают лидерами в классе и всегда держатся как-то особняком от шумных компаний своих сверстников. Друзей таким ребятам завести нелегко. Они сразу теряются при виде какого-нибудь самоуверенного бойкого паренька, не могут связать с ним и двух слов, чувствуют себя какими-то неловкими, неказистыми, неправильными и немедленно пытаются стереться с лица земли, лишь бы не стоять рядом со своим ровесником, который по неведомым никому причинам кажется им властителем дум.

Какое счастье, что среди пятерых студентов географического факультета не оказалось ни одного бойкого паренька! Все, как на подбор, были тихими недотепами, и сдружиться нам было довольно легко. Девчонки, только увидев нас, немедленно потеряли к нам всякий интерес и даже не пытались устанавливать с нами контакт. Но нам было все равно.

Молодые люди нашего типа не спешат знакомиться с девушками. Придет время, и, возможно, кому-то из нас улыбнется счастье в виде доброй, заботливой жены. А пока пять скромных первокурсников ходили повсюду вместе, никогда не ссорились и совсем скоро стали неразлучны. В пользу нашей дружбы сыграло и то, что двое из нас оказались иногородними и проживали в общежитии в одной комнате. Друзей у них в Питере не было, и поэтому они были счастливы найти их в нашем лице.

Так и я наконец-то обрел друзей. Мы общаемся с ними по сей день, спустя семь лет после окончания университета... Правда, мы делаем это все реже. У троих уже свои семьи. В холостяках остались только мы с Владиком Тумановым, самым близким для меня другом из всей нашей пятерки. Владик — единственный,

кто после окончания университета пошел работать в школу. И, кажется, он вполне счастлив на своем месте...

А я в школу работать не пошел. Общение с людьми — не мой конек. А уж общение с детьми — это то, что приводит меня в ступор, в ужас, доводит до паники. Где-то в глубине души мне, пожалуй, хотелось бы войти в класс, сказать: «Здравствуйте, дети» и просто начать урок. Легко и непринужденно объяснить тему, спокойно отклониться от нее, перейти на милые шутки, рассказывая ученикам о жизни, зарождая в их светлых головах добрые мысли. Но я не мог.

Я боялся детей еще больше, чем взрослых. Я не считал их головы светлыми и был уверен, что в них уже давно роятся вполне себе злобные мысли, изобретаются способы издевательства над слабыми одноклассниками и стеснительными учителями, выстраиваются планы увиливания от уроков, ответов у доски, контрольных... да вообще, нормальной, путевой жизни.

Я — всегдашний изгой в любых компаниях — с содроганием вспоминал учебу в школе, мне казалось, что, даже став взрослым, я буду оставаться предметом насмешек или игнорирования. Учитель не должен чувствовать себя в классе как в клетке со зверями. А если вдруг он в ней себя чувствует, то должен вступить в немедленную борьбу со своим страхом и как можно быстрее преодолеть его. Я не ощущал в себе сил сделать это. А моя студенческая практика в школе с лихвой доказала мне полную бесперспективность моей потенциальной работы в школе.

На практику я боялся идти до истерики. Всю ночь накануне этого дня я провел в панике и слезах. Я практически не сомкнул глаз. Только под утро после тройной порции валерьянки я смог немножечко вздремнуть. Но уже через два часа раздался пронзительный звук будильника, и мне пришлось встать. Я сразу выпил еще две таблетки валерьянки. Это привело меня в какое-то тупое состояние и загнало мою панику куда-то глубоко под кожу. Время от времени по коже бегали мурашки и пальцы начинали неожиданно шевелиться. Мозг работал медленно, с большим трудом, страшно хотелось спать. Страх затаился и ждал удобного момента для выхода наружу.

Практику я проходил в седьмом классе. По-моему, в этом возрасте для практиканта или молодого учителя дети представляют наибольшую опасность. В пятом классе дети еще маленькие, помнят дисциплину, привитую им в начальной школе, хранят в себе остатки прилежания и неподдельного интереса к учебе, уважают взрослых, а учителей порой любят до самозабвения.

Старшеклассники — это уже, в общем-то, не совсем дети, это внешне зачастую совершенно взрослые люди (разумеется, далеко еще не со взрослым мышлением), усаженные за парту и выглядящие за ней, по меньшей мере, нелепо. Им самим сидеть за ней уже нелепо, а учителям нелепо за то, что эти ученики-переростки за ней сидят. Школа, как правило, их не интересуется. Часть из них озабочена исключительно вопросами взаимоотношения полов, часть — протестом всему окружающему миру, и небольшая горстка старшеклассников по каким-то удивительным причинам всецело поглощена учебой, экзаменами и поступлением в вуз.

Ученикам десятого или одиннадцатого класса школа скучна, поэтому им наплевать на то, что сегодня перед ними будет играть в учителя какой-то там практикант. Они будут равнодушно слушать его, кто-нибудь из наиболее озорных ребят отпустят пару неумных шуток, — и все — ты свободен, больше они тебе не сделают ничего.

Учительница географии, которая стала моим руководителем, была женщиной суровой. Ее взгляда боялись самые отъявленные школьные хулиганы, поэтому на ее уроках дисциплина, как правило, была железной. Нельзя сказать, что она была злой. Нет, она вообще-то была равнодушным и даже, может быть, чутким человеком. Иногда у нее случалось хорошее настроение, и тогда она могла шутить так,

что смеялся весь класс. Но чаще всего настроение у нее было плохое. И в такие дни никто не хотел попасть под ее горячую руку. Ни ученики, ни коллеги. Она не была злой. Она была непредсказуемой. И это, пожалуй, было пострашнее.

Бывало, она с улыбкой рассказывала на уроке о каких-нибудь экзотических традициях далеких стран, класс позволял себе расслабиться, отпускать невинные шутки (шутки двусмысленные ни один не осмелился бы при ней произносить), как вдруг улыбка на ее лице сменялась яростью, она изо всей силы ударила учебником по столу и хриплым от науги голосом орала ученику с последней парты: «А ну встал и вышел вон!» Класс затихал, ученик выходил, и до конца урока все боялись даже чихнуть, а она читала лекцию металлическим голосом, глядя в пол и ходя от стены к стене.

Никто не знал, почему ее настроение менялось так резко, так всегда неожиданно, необъяснимо. Ходили слухи, что у нее были большие сложности в личной жизни. Ее оставил муж с двумя детьми школьного возраста, денег не хватало страшно, обида на мужа, которого, по тем же слухам, она любила до самозабвения, не давала ей ни минуты покоя. Говорили, что он ушел к другой женщине, сказав на прощанье: «Мне жаль тебя, но так вышло». Перестать любить его она не смогла и вот уже несколько лет жила с незаживающей раной, на своих детей срывалась так же, как и на своих учеников. Дети любили ее и терпели. Звали эту учительницу Мария Васильевна, на вид ей было лет сорок пять.

— Дети, это Матвей Александрович, студент педагогического университета. Сегодня он будет вашим учителем, — представила меня классу Мария Васильевна.

В классе послышался шепот и тихий смех.

— Но прошу помнить! — повысила она голос. — Я сижу на задней парте и вижу каждого из вас.

Она обвела учеников пронзительным взглядом и добавила:

— Можете начинать, Матвей Александрович.

Не взглянув на меня, она пошла к задним партам. Я остался один перед двадцатью восемью жаждущих забавы парами глаз.

— Здравствуйте, меня зовут Матвей Александрович, — зачем-то сказал я и тут же подумал, что только идиот может ляпнуть такое, ведь я уж был представлен классу!

— А сколько вам лет? — хихикнула девочка с третьей парты (у нее был длинный высокий хвост из русых, немного спутанных волос и узкие хитрые глазенки, которыми она смотрела то на меня, то на свою парту).

В классе раздался смех.

«Началось», — мелькнуло в моей голове.

— Курочкина, еще одна выходка, и на мой урок будешь ходить в сопровождении отца, — раздался голос Марии Васильевны с задней парты. Мне казалось, что она смотрела на меня с презрением, как на ничтожество.

Класс затих, но лукавые улыбки так и сияли на их вредных детских лицах.

«Курочка клюнула синичку», — подумал я и улыбнулся своей очередной дурацкой мысли.

— Сегодня мы поговорим об Австралии, — попытался я взять себя в руки.

— А вы там были? — внес свою лепту мальчишка с третьего ряда (модный, красивый, таких я в школьные годы боялся особенно, девчонки в таких влюбляются с первого взгляда).

— Иваненко! — вновь раздался голос Марии Васильевны.

— Записываем тему: «Особенности природы Австралии», — почти уже дрожащим голосом продолжил я.

Дети заскрипели ручками. Я перевел дыхание. Но тут вновь раздался голос — со второго ряда, с парты, стоящей прямо перед той, где сидела Мария Васильевна:

— А как вы нам можете рассказывать о стране, которую не видели никогда?

Говорил толстый противный мальчишка с жирными волосами и надменным выражением лица. Весь его вид являл собой сознание собственного превосходства над всеми вокруг.

— Вот моего папу директор отправлял в Австралию в командировку на два месяца, и вообще-то он нас с мамой брал с собой. Лететь в Австралию из России — очень дорого, вообще-то.

Этого Мария Васильевна выдержать уже не смогла. Она медленно поднялась со своего места и встала прямо перед противным мальчишкой.

— Это кто у нас такой умный здесь? Да еще и богатенький, значит?

Она не кричала, но в ее голосе было столько металла, что, казалось, стены вокруг начали звенеть. Мальчишка уперся взглядом в свою парту, в выражении его лица читалось презрение к учителю и ко всем присутствующим.

— Как ты смеешь разевать рот, когда тебя никто не спрашивает?! — последние слова она уже прокричала, прокричала так громко, что у меня на мгновение заложило уши, а девочки, сидевшие недалеко от эпицентра происходящего, зажали уши ладонями.

— Не надо на меня кричать, Мария Васильевна, — с деланным спокойствием, с нескрываемым пренебрежением проговорил наглый ученик, — у меня вот тут диктофончик (он вынул из-под парты самый настоящий диктофон), он все пишет. Я сегодня вечером все папе покажу, как вы тут на меня кричали.

Класс замер. Тишина была гнетущей и пронзительной. Мальчишка держал в руке диктофон и смотрел на Марию Васильевну. Она стояла, немного нагнувшись над ним, и с недоумением смотрела на него. Было видно, что такой подлости среди учеников она не встречала еще никогда. Так прошло несколько ужасных мгновений. Вдруг Мария Васильевна точно очнулась, наклонилась к портфелю толстого мальчишки, взяла его и медленно пошла к двери. Завороженный класс молча провожал ее взглядом.

— Вещички мои оставьте, Мария Васильевна, — не унимался наглец, — не имеете права.

— Вон, — тихо сказала учительница, — и на мой урок больше не приходи.

— А я не уйду! — вдруг крикнул потерявший чувство меры ученик. — И вещи мои подайте-ка сюда!

Мария Васильевна встала у двери, скрестив на груди руки, и смотрела куда-то перед собой.

— Ты задерживаешь урок, — так же тихо проговорила она.

— Это вы задерживаете! Я учиться хочу! Хотя какой урок?! С этим студентишкой никчемным! Об Австралии он мне будет говорить!

Мальчишка покраснелся, на лбу у него выступил пот. Не знаю, рад ли был он сам тому, что отчаялся на такое поведение.

Мария Васильевна сделала шаг вперед. И вдруг очень быстро пошла в направлении ученика, схватила его за шкирку и потащила к выходу. Ученик, кажется, впал в состояние истерики и был готов на все, лишь бы выиграть эту битву.

— Оставьте меня! — завизжал он каким-то поросычьим голосом. — Я расскажу папе! Вам папа не простит! Вы не имеете права!

Он начал судорожно махать руками, пытаясь высвободиться из-под железной руки учительницы, в какой-то момент он как-то присел и резко повернулся, пальцы Марии Васильевны разжались, и ученик оказался на свободе, лицом к лицу с учительницей. Озверев от обиды, он толкнул ее в грудь, Мария Васильевна отлетела назад и упала спиной прямо на парту.

Класс не выдержал. Красивый парень, подколовший меня насчет Австралии, вскочил первым. Гигантскими шагами он подбежал к разъяренному однокласснику,

прыгнул ему на спину и обхватил шею двумя руками. К нему на помощь подошло еще трое ребят, общими усилиями им удалось вывести бунтаря из класса. Девочки уже помогали Марии Васильевне подняться, поправляли ей выбившиеся из прически волосы, обнимали ее и плакали.

Так прошел мой первый урок. Я совершенно точно решил, что в школу я работать не пойду.

5

— И куда же ты пойдешь? — строго спросил меня отец, после того как я получил свой диплом «учителя географии и экологии».

Я молча сидел на стуле и смотрел в пол. Я действительно не знал, куда мне идти работать с этим дипломом, с этими знаниями...

— Ведь предлагал тебе: иди на техническую специальность — не захотел! — продолжал отец. Он нервничал, беспокойный взгляд его был направлен куда-то в окно, пальцы монотонно стучали по подоконнику.

— Что ты терзаешь ребенка! — вступилась за меня мать. Она продолжала считать, что выбор географического факультета (рекомендованный ею) был несомненно верным решением.

— Это не ребенок! — не унимался отец. — Это двадцатидвухлетний выпускник педагогического университета, куда, между прочим, ты его и направила! Пусть теперь идет в школу, куда его еще примут!

— Я направила и правильно сделала! — отрезала мать. — А работу мы найдем.

— Мама, я действительно не знаю, куда мне податься. В школе я не смогу, а куда еще идти — не представляю, — вставил я наконец.

— Зато я представляю! — мать всегда имела про запас какие-нибудь неожиданные идеи. Мы с отцом хоть эту ее черту хорошо знали, но всегда боялись того, что еще придет ей на ум.

— Я знаю, куда мы Мотю устроим работать, — сказала она.

Я округлил глаза и молча смотрел на мать. Отец повернулся к ней и ехидно произнес:

— И куда же?

— Он будет заниматься путешествиями, как и мечтал в детстве!

— Мама, ты же знаешь, я давно не переносу длинных дорог... — начал я.

— Знаю-знаю, — перебила меня мать, — незачем тебе длинные дороги переносить, пусть их переносят другие. А твое дело будет — продавать туристам то, что они захотят.

— Ты хочешь, чтобы я стал турагентом? — удивился я.

— Торгашом, — снова съязвил отец.

— Турагентом, — продолжила мать. — А что, я поговорю с директором, меня в агентстве любят и уважают, найдут уж местечко для начинающего специалиста! Не у нас, так у кого-то из знакомых!

6

Мама исполнила обещанное. Она поговорила с директором, и меня приняли в турагентство, хозяйкой которого являлась его давняя знакомая. Удивительно, но мамини планы продолжали реализовываться с завидной стабильностью. Она сама уверенно шла к поставленным целям и тащила к ним нас с отцом.

Работать турагентом (или попросту торгашом, как выразился мой отец, с чем я полностью согласен) не было мечтой моей жизни, но, кроме детских фантазий о путешествиях, у меня, кажется, и не было никакой другой мечты.

Работать же где-то было нужно, и я послушно сел за стол в турагентстве и начал продавать. Продавать я сразу начал очень плохо, мои рейтинги с самого начала были крайне низкими, и такими они остаются по сей день. Желаящие купить какой-нибудь тур интересовались только двумя вещами: его ценой и условиями в номере отеля, работа моя практически ничем не отличалась от работы продавца в продуктовом магазине.

У меня не вызывала никакого азарта перспектива продать как можно больше туров. Да, это серьезно повлияло бы на мою зарплату. Но мне было противно продавать. Если людям что-то надо, они это купят, если нет — заставлять их это сделать с лживой улыбкой на лице у меня не вызывало никакого желания. А уж когда я начал свои питерские путешествия и стал рассказывать о них во всемирной сети, к работе я потерял последний интерес...

7

Итак, мои путешествия... Идея совершать их, никуда не уезжая из города, пришла мне в голову случайно. Как-то раз после работы я решил пройтись по центру. Был ранний октябрь, туристы сновали по улицам, но их было значительно меньше, чем еще месяц назад. Дул влажный пронизывающий ветер. По Фонтанке шли маленькие прогулочные теплоходики. «Последние экскурсии в сезоне, — подумал я, — скоро вода покроется льдом и реки замрут». Люди на теплоходиках сидели под разноцветными пледами, жались друг к другу, но не прекращали фотографировать все, что попадало в их поле зрения.

Туристы. А я так никогда и не побывал в этой роли. Не бывал на экскурсиях. Не фотографировал достопримечательности. Не жил в отелях. Единственный раз в своей жизни я собирал чемодан тогда, когда мы семьей покидали Дзержинск. Тогда же я в первый и в последний раз ехал на поезде. Все это было до того, как я увидел страшную аварию из окна своего нового дома. Тогда еще мечта о путешествиях была горячей и вполне осуществимой.

Питер. Даже тебя, мой красавец, я так и не смог познать по-настоящему. Работаю в центре, живу на окраине. Езжу от точки до точки. Каждый день одно и то же. Завидую тем, кто приезжает к тебе специально. Полюбоваться тобой. Познакомиться с тобой. Поплакать над тобой...

Я медленно шел по тротуару, незаметно погружаясь в осенний сплин все глубже и глубже. И тут мне в голову пришла мысль, которая перевернула всю мою жизнь. А почему, собственно, и я не могу путешествовать по Питеру? Что я о нем знаю? Ровным счетом ничего. Ну был в Эрмитаже один раз, когда только из Дзержинска переехали, да пару раз посетил Русский музей: один раз с родителями, один раз в университете, когда преподаватель по культурологии вместо лекции повела весь наш курс в музей. Это все. Самому дико.

Но больше в Питере я не видел решительно ничего. Ну излазил весь Невский вдоль и поперек, потому что наше агентство на нем находится, и потому что, когда наша семья только переехала в Питер, мама таскала нас с отцом по выходным гулять по нему.

Да и вообще, жить на окраине Петербурга — это значит не жить в Петербурге. Обычный спальник, такой микрорайон может быть в любом другом городе. Кроме Дзержинска, мне сравнивать, конечно, не с чем. Но и Дзержинска вполне хватает. А я хочу в Питер! В настоящий Питер! Я хочу путешествовать по нему, фотогра-

фировать его, познавать его. Как один из этих счастливицков, которые именуются путешественниками.

Недолго думая, я решил претворить свои мысли в реальность. И первое путешествие по Петербургу наметил уже на ближайшие выходные. Я твердо решил, что не буду ограничиваться простым посещением музеев или прогулками по мало-знакомым улицам. Моя цель — стать настоящим туристом. То есть соберу дома сумку, возьму деньги и документы, забронирую через Интернет хостел и уеду. Уеду на весь уикенд. Буду жить в хостеле! Впервые в жизни. Буду свободным, буду счастливым. Я буду путешественником.

Родителям я, конечно, не рассказал о своей идее. Не знаю почему, но сразу решил, что ни они, ни любой другой человек на всей земле не сможет понять меня. Родителям сказал, что в эти выходные Владик Туманов (мой университетский друг) приглашает меня в гости.

Вообще-то я не отличался любовью к ночной жизни и похождениям с друзьями, поэтому родители насторожились. Пришлось им напомнить, что я давно взрослый (на тот момент мне было уже двадцать четыре) и спокойно могу позволить себе переночевать у друга, пообщаться с ним на интересные темы. И вообще отдохнуть в законные выходные.

Мать и отец не были довольны моими доводами, но препятствовать не стали. Мама лишь сказала: «Надеюсь, ты не станешь заниматься подростковыми глупостями, ты уже большой мальчик». «Не стану, мама», — ответил я, после чего взял свою сумку и ушел.

Ушел в сырой питерский октябрь. В кармане был паспорт с дзержинской пропиской, на плече — спортивная сумка с вещами, необходимыми в коротком двухдневном путешествии. Я сел на автобус, потом на метро и своим обычным маршрутом добрался до центра города.

Но нет, теперь это был не мой обычный маршрут. И ехал в автобусе и метро не агент-замухрышка Матвей Синичкин. В свое первое путешествие ехал свободный человек, человек, решивший распахнуть для себя мир, задумавший сломать все преграды и осуществить свою детскую мечту. Сердце в груди колотилось быстро и громко. Я был взволнован и счастлив.

Заезд в хостел, который я забронировал, был назначен на 13.00. Ровно к этому времени я подошел к улице Марата (я решил поселиться в самом сердце города, как настоящий турист). Хостел располагался по соседству с пекарней. Из нее шел потрясающе вкусный запах свежее испеченного хлеба. Мне захотелось купить хотя бы одну маленькую булочку. Но я сдержался. Сначала нужно заселиться, а уже потом отправиться хоть в пекарню, хоть в любое другое место, куда душа пожелает.

Чтобы попасть в хостел, нужно было нажать на кнопку с номером «8», располагающуюся прямо на двери. Я стоял, смотрел на дверь, на эту кнопку, но нажать на нее не решался. Неожиданно мне стало очень стыдно за свой дурацкий план притвориться путешественником, мне почему-то подумалось, что все обязательно сразу узнают, что я живу в Петербурге, что я всех обманываю.

«Они вмиг разоблачат меня, — вертелось в моей голове, — разоблачат и будут смеяться, пока слезы не забрызжут из их глаз».

«Пустьяки, — приходила на ум новая мысль, — никто ничего не узнает, в паспорте дзержинская прописка, нет никаких намеков на то, что я давно живу здесь». Я пересилил волнение и нажал на «восьмерку».

— Хостел «Двенадцать месяцев», — послышался девичий голос из динамика.

Я нервно сглотнул слюну и выдавил из себя:

— У меня забронировано на сегодня.

— Проходите, — ответил голос.

Из динамика раздался тихий писк, я открыл дверь и оказался в подъезде. Хостел располагался на третьем этаже. На дрожащих ногах я отправился вверх по лестнице.

Навстречу мне спускалась небольшая компания молодых людей, года по двадцать два каждому. Они громко разговаривали и смеялись.

«Постояльцы хостела, — мелькнуло у меня в голове. Волнение нарастало. — А что если меня начнут расспрашивать, кто я, откуда, чем занимаюсь. Я не представляю, чем сейчас живет Дзержинск. А если кто-то окажется именно оттуда?»

Дверь, ведущая в хостел, оказалась выкрашенной в разные цвета. Табличка с названием «12 месяцев» тоже вся была разноцветной, на ней были нарисованы и бледно-голубые снежинки, и бело-желтые ромашки, и багряные кленовые листья.

«Выдерживают концепцию», — подумал я, но почему-то вновь испытал острое чувство стыда и, уже не в силах более терпеть, заставил себя резко открыть дверь и войти в хостел, улыбаясь во весь рот.

Моему взору предстал довольно обширный холл, весь пол был заставлен обувью, так, что сложно было пройти дальше. Метрах в трех от входной двери располагалась стойка ресепшена, за которой сидела довольно милая молодая девушка.

Сжав волю в кулак, я подошел к ней.

— Здравствуйте, у меня бронь на сегодня, — сказал я быстро.

— Здравствуйте, как ваша фамилия? — прозвучал тоненький девичий голосок — тот самый, что говорил со мной через динамик на входной двери.

— Синичкин, Матвей Синичкин, — взволнованно ответил я.

Девушка несколько раз щелкнула по клавишам компьютера и проговорила:

— Вы к нам на одну ночь, в шестиместный номер. Все верно?

— Да, — кивнул я.

— Давайте ваши документы.

Это было для меня почему-то самым страшным. В паспорте четко была указана дзержинская прописка, но я страшно боялся, что каким-то чудом может стать известно настоящее место моего проживания.

Девушка скопировала данные моего паспорта, подала договор для подписи и с улыбкой сказала:

— Добро пожаловать в хостел «Двенадцать месяцев», меня зовут Анна. Сейчас я покажу вам ваш номер и все, что вам может понадобиться во время пребывания в нашем хостеле.

Анна встала из-за стойки. Я обратил внимание, что на ногах у нее были домашние тапочки в виде мохнатых собак. Мы пошли вперед по коридору. На первой двери, которую я увидел, было написано «Январь», на следующей «Февраль», из двери с надписью «Март» вышел заспанный, растрепанный молодой человек и отправился куда-то вдаль по коридору.

— У наших номеров нет собственно номеров, — рассказывала девушка Анна, — вместо них у нас названия месяцев. Всего у нас двенадцать жилых комнат, как раз по количеству месяцев в году, — девушка улыбнулась, она вообще была весьма приветливой, мне нравилось находиться в ее обществе. — Ваша комната называется «Апрель».

Анна постучала в дверь и открыла ее передо мной.

— Это мужской шестиместный номер. Проходите. Свободны два спальных места наверху и одно внизу. Выберите любое.

Я вошел. В номере стояли три двухъярусные кровати. Жильцов на месте не было, на полу располагались их чемоданы, и на кроватях лежали скомканные вещи. Комната была небольшая, кроме кроватей в ней помещались три стула и один низкий шкаф с шестью отделениями, запирающимися на ключ. На окнах висели белые занавески с очень необычным узором: маленькие желтые солнышки, голубые снежинки, синие капельки дождя — все было вперемешку. Стены тоже были белыми и тоже интересно расписаны: тонкие ветви деревьев с маленькими светло-зелеными почками оплетали всю комнату как паутина, а на стене, около которой ничего не стояло, был изображен рыжий веснушчатый мальчишка, пускающий бумажный кораблик в плавание по ручейку.

— Здорово, — сказал я, — здорово придумана концепция. И отлично выдержана.

— Спасибо, — улыбнулась Анна, — оставляйте вещи, и я покажу вам все остальное.

Хостел определенно нравился мне. «Как счастливы эти люди, приехавшие сюда со всех уголков земли и поселившиеся в этом чудесном месте, — думал я. — Путешественники. Рядом со мной настоящие путешественники».

— Вот наша кухня, — Анна ввела меня в просторное помещение, в центре которого стояло настоящее дерево, украшенное лентами и какими-то картинками с надписями.

— На это дерево можно повесить свое пожелание или впечатление от города или хостела. На кухне вы можете готовить, пользуйтесь плитой, микроволновкой и любой посудой. Вот ваш ящик для продуктов. В холодильнике можете хранить то, что вам нужно, но только прошу подписать пакет, неподписанные мы считаем забытыми и выбрасываем их.

Анна водила меня по хостелу, показывая все мелочи, подробно объясняя все нюансы жизни в нем. Наконец мы обошли все. И я вернулся в свой номер.

«Сегодня я буду тем, кем мечтал быть с раннего детства. Сегодня в Матвее Синичкине заснет зачуханный турагент и проснется свободный путешественник», — сказал я сам себе. Но сам же и испугался этих слов. А как быть свободным путешественником? С чего начать?

Я решил начать со смены гардероба. Другой Матвей Синичкин — другой образ.

Я отправился в торговый центр на площади Восстания — место, в которое я не заходил никогда, так как считал расточительством покупать одежду в модных магазинах в центре города. Но так считал Матвей-турагент, а Матвей-путешественник считал, что иногда он может себе такое позволить.

Я вошел в торговый центр, на эскалаторе поднялся на второй этаж и начал свой шопинг. Я бродил по магазинам около двух часов. В результате я купил себе модный пуховик (в октябре уже можно одеваться и в пуховик), стильные высокие ботинки и сумку. На все это ушло полторы моих зарплаты.

«Если родители узнают, сколько все это стоит, будет скандал», — думал я. И это была чистая правда. Но сейчас это мало меня волновало. Я чувствовал эмоциональный подъем и готов был и не на такие свершения.

Я вернулся в хостел. В номере все так же никого не было. Гуляют ребята, что ж, это понятно. Я вынул из пакетов все новые вещи и переоделся в них. Теперь старая куртка, ботинки и даже сумка лежали в красивых фирменных пакетах, а красивая фирменная одежда была на мне. Я глянул на себя в зеркало. Совсем другое дело. Никто меня и не узнает в этих нарядах. Люди привыкли совсем к другому Матвею. Единственное, что напоминало сейчас о зачуханном турагенте, — это убогие толстые роговые очки, через которые на мир смотрели горящие новым,

непривычным еще светом, глаза путешественника. «В оптику!» — сказал я вслух и, схватив новую сумку, энергичным шагом вышел из комнаты.

После приобретения очков мой образ был завершен. Очки были дорогие, в красивой оправе, правда, мне пришлось ждать до вечера, когда их изготовят по моему заказу, но я не терял времени даром.

Я исходил весь Невский вдоль и поперек, излазил множество прилегающих к нему улиц, сделал огромное количество фотографий. Конечно, мне приходилось бывать на этих улицах много раз, но я не оказывался на них ни разу вот так, свободным путешественником. И действительно будто бы впервые увидел эти прекрасные здания, эти красивейшие мосты, дышал этим неповторимым питерским воздухом, пахнувшим мокрым камнем.

Я шел по городу-мечте, городу-герою, городу-страдалицу, городу-красавцу, городу-уродцу, городу-интеллигенту, городу-бомжу, шел свободным и одиноким, никем не признанным, никому не знакомым, с фотоаппаратом на шее, и в голове была только одна мысль: «Я счастлив!».

Самым большим наслаждением этого дня стала водная экскурсия по петербургским каналам. Ах, сколько раз я видел этих радостных людей, сидящих в маленьких теплоходиках и укрытых разноцветными пледами, фотографирующих каждое здание, каждый камень, каждый миг своего путешествия. Эти люди плыли по Петербургу, затаив дыхание, слушали экскурсовода, улыбались друг другу, впитывали все, что видели вокруг, запоминали, упаковывали в хранилища своей памяти, чтобы потом рассказать обо всем где-то далеко, где-то у себя дома...

Сегодня я стал одним из этих людей... Я купил билет на экскурсию, поднялся на палубу теплохода, занял свое место, укрылся фиолетовым пледом, который выдала мне приятная улыбчивая женщина, встречавшая гостей. Когда все гости заняли свои места, приятная улыбчивая женщина сама укрылась пледом, взяла микрофон и проговорила:

— Дорогие гости, мы рады приветствовать вас на нашем теплоходе! Это одна из последних наших экскурсий в этом году, совсем скоро мы заканчиваем навигацию, а возобновим ее лишь в конце апреля. Рекомендуем всем пользоваться пледами, на реках и каналах Санкт-Петербурга, как вы и сами чувствуете, в октябре сырой пронзительный ветер. Отправляемся мы с набережной реки Фонтанки, и свою экскурсию я хочу начать со стихотворения поэта Николая Агнивцева:

*Скажите мне, что может быть
Прекрасней Невской перспективы,
Когда огней вечерних нить
Начнет размеренно чертить
В тумане красные извивы?!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней Невской перспективы?..*

*Скажите мне, что может быть
Прекрасней майской белой ночи,
Когда начнет Былое вить
Седых веков седую нить
И возвратить столетья хочет?!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней майской белой ночи?..*

*Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы Петербургской...*

Я слушал стихотворение и смотрел на набережную. Сколько раз я уже видел ее до этого? «Тысячу раз видел, ни разу не видел», — шептал я сам себе. Рядом со мной сидел мужчина. Он смотрел на Петербург через объектив фотоаппарата. Кажется, он фотографировал абсолютно все. Мне вдруг захотелось заговорить с ним.

— Откуда вы приехали? — стараясь быть как можно более непринужденным, спросил я.

Мужчина опустил фотоаппарат, удивленно посмотрел на меня и сухо ответил:

— Из Кемерово.

— А я из Дзержинска. Знаете такой город? Это в Нижегородской области. Город химиков. У нас много химических заводов. Один из самых загрязненных городов в мире, — радостно проговорил я.

Мужчина еще более удивленно посмотрел на меня и ответил:

— Не слышал о таком.

— Вот путешествую. Впервые в жизни! — продолжал я.

Зачем я затеял этот разговор? Может быть, для того, чтобы самому себе еще раз сказать: «Я путешествую». Может быть, для того, чтобы поверить в это получше. А может быть, для того, чтобы сообщить об этом миру. Я наслаждался каждым мгновением своего путешествия. Наконец-то я чувствовал полноту жизни.

Почему-то на теплоходе мне не было страшно плыть. После аварии, увиденной из окна, я панически боялся всех видов транспорта: автомобилей, поездов, самолетов... А вот сейчас я плыл и не испытывал ничего, кроме безграничной радости. Я плыл по одному из самых красивых городов мира, ветер беспощадно дул мне в лицо, холодно было даже в новом модном пуховике. Вот она, жизнь, вот оно, счастье!

В эту ночь я спал часа три. Спал на верхнем ярусе деревянной двухъярусной кровати, в одном номере с незнакомыми людьми, спал с ощущением легкости, безмятежности и свободы.

9

Рано утром, в пять часов, я проснулся по сигналу будильника. Я не хотел терять ни минуты. Я быстро умылся, аккуратно сложил свои вещи в сумку и отправился бродить по городу. В двенадцать нужно было выехать из хостела. У меня оставалось совсем немного времени оставаться путешественником.

«Но помни, Золушка, ровно в полночь сила моих чар кончится: твоё платье снова превратится в лохмотья, а карета — в обыкновенную тыкву». Моя карета превратится в тыкву в полдень, мне необходимо спешить.

Я решил, что оставшиеся часы я проведу в неторопливой бесцельной прогулке. Буду идти туда, куда поведут ноги. Я шел и дышал городом, дышал свободой, дышал нарастающей грустью, грустью от того, что совсем скоро все это закончится, закончится не просто мое путешествие в Петербург, закончится мое погружение в другую жизнь, в другой мир, в мир другого Матвея Синичкина, такого, который живет, как чувствует, который не боится идти навстречу своей мечте и от которого мечта не ускользает, а, наоборот, сама прыгает ему прямо в руки...

Где-то через час после начала своей прогулки я набрел на весьма симпатичное кафе и решил выпить там кофе. Мне все казалось каким-то особенно милым, люди — приветливыми, кафе — уютными, улицы — красивыми. Официантка, которая принесла мне кофе, была совершенно удивительно вежлива и внимательна. Кофе обладал потрясающим ароматом и вкусом, честное слово, никогда в жизни я не пил такого!

А после того как, выйдя из кафе, я снова отправился бродить, я увидел нечто совершенно потрясающее. Дряхлая, сморщенная, сторбленная старушка, одетая в длинную черную юбку в пол, короткое пальто с широкими рукавами, отделанными мехом, и очень старомодную шляпу, стояла посреди тротуара и удивительно деликатным движением руки бросала на асфальт кусочки хлеба, которые отламывала от огромного батона, раза в два больше обычного. Вокруг нее вилось, пожалуй, не менее пятидесяти голубей, они неуклюже подбирались к хлебным кусочкам и немедленно поглощали их. А бабушка улыбалась и по-разительно светлым, совершенно молодым голосом пела что-то, кажется, по-французски. Я сфотографировал эту бабушку и голубей. Когда старушка заметила меня с камерой, она, нисколько не смутившись, шире улыбнулась мне, обнажив белоснежные ровные зубы.

Эта фотография стала первой, которую я разместил на своей первой публичной странице, посвященной путешествиям по Санкт-Петербургу. Наверное, если бы я не запечатлел эту старушку на свой фотоаппарат, я бы решил, что увидел ее во сне...

10

Так начался новый этап в моей жизни. Матвея Синичкина теперь стало два. Они настолько отличались друг от друга, что у каждого был свой гардероб, свой телефон, свои друзья (у путешественника Синичкина друзья были исключительно в социальных сетях, Синичкин же турагент не был зарегистрирован ни в одной социальной сети и общался только с теми людьми, с которыми был знаком лично), свой город постоянного проживания, свой стиль общения с людьми...

Иногда в одном из Синичкиных вдруг начинали мелькать черты другого, но они быстро подавлялись тем, кто в данный момент был главным. Путешественник и турагент существовали параллельно друг другу. Мои родители безусловно замечали странность моего поведения. Но я не рассказывал им правду. Я сам считал то, что происходило в моей жизни, безумием, и был уверен, что родители этого не поймут никогда, даже мама, какие бы безумия в жизни она ни творила сама. Я не хотел беспокоить родителей напрасно. И каждый раз, когда я собирался в путешествие, я прикрывался своим институтским другом Владиком Тумановым...

Так прошло целых шесть лет. Они прошли незаметно, как один день, но вместе с тем за эти незаметно промелькнувшие годы жизнь моя изменилась колоссально, я, не побоюсь этого слова, начал нащупывать то, что можно называть счастьем.

Точнее, это начала нащупывать одна моя половина. Сам не знаю, как мне удалось сочетать в себе две совершенно непохожие личности. Матвей-путешественник просыпался во мне каждый раз, когда я попадал на просторы Интернета или отправлялся в путешествие. Все остальное время он пребывал в самых потаенных уголках моего сознания, а при любом удобном случае немедленно выпрыгивал наружу.

Жизнь Матвея-турагента была скучна и однообразна. Это была не жизнь даже, а какой-то полусон, который постоянно прерывался вторжением яркого Матвея-путешественника. Наверное, это не вполне нормальная ситуация, когда в одном человеке вдруг начинают жить двое. Но пока я не видел иного выхода. Подавить в себе путешественника значило лишить себя шанса быть счастливым, а уничтожить в себе последние капли турагента-неудачника мне не хватало смелости, хоть я и понимал всю бессмысленность и беспросветность жизни этого человека.

Такова предыстория моей сегодняшней жизни. Я часто прокручиваю ее у себя в голове. Прокручивал я ее и сейчас, в этот мартовский понедельник, идя по любимому Невскому...

Вчера около двух часов дня я приехал домой из своего путешествия. Фотографий в этот раз я сделал множество — выходные были богаты на интересные для меня события. В большом книжном магазине на Лиговском проходила встреча с режиссером документального кино, который снял фильм о ленинградском рок-движении восьмидесятых, в музее Ахматовой в Фонтанном Доме показывали спектакль, поставленный по мотивам произведений Мандельштама.

Но самое главное — мне удалось проникнуть в заброшенную квартиру на Некрасова и сделать потрясающие фото! Квартиру в доме, построенном в начале XIX века, всю в руинах, но главное — с очевидными остатками первоначальной архитектуры. Это невероятно ценно для меня. Чтобы побывать в таких местах, я готов пройти множество испытаний. А эта квартира сама шла мне в руки. Она находилась двумя этажами ниже хостела, в котором я поселился.

Когда в субботу я спускался вниз по лестнице, то сразу обратил внимание на очень старую деревянную дверь. Она была настолько стара, что местами от нее отваливались щепки, а в районе ручки зияла довольно большая дыра. Я немедленно подошел к этой двери и заглянул в дыру. Перед моим взором предстал пол с огромными провалами и беспорядочно торчащими досками, стены с очень сильно потрескавшейся краской, местами мне удалось разглядеть фрагменты лепнины на потолке.

Кажется, ремонт здесь не делали никогда, мне предоставлялся шанс побывать в настоящей жилой квартире, не тронутой духом современности. Упускать такой шанс я не хотел никак. Осмотревшись по сторонам и убедившись, что поблизости никого нет, я осторожно просунул руку в дыру. Она была так велика, что мне удалось продвинуть в нее руку почти до самого плеча. Я начал скользить пальцами по двери. Замоchnую скважину я обнаружил сразу же, но в отсутствие ключа это никак не приближало меня к проникновению в квартиру.

Не знаю зачем, но я вдруг решил просунуть в дырку другую руку. Теперь под пальцами оказалась другая створка двери (дверь была двустворчатой), я несколько раз скользнул по шершавой поверхности, и вдруг... под пальцами что-то звякнуло. Я замер. Потом осторожно я попытался протолкнуть руку еще глубже и... о чудо... я совершенно явно нащупал пальцами ключ. Он висел, кажется, на гвоздике. Я аккуратно снял ключ с этого гвоздика и перенес его на свою сторону. Ключ был старинным, сильно поцарапанным, но не ржавым. У меня замерло дыхание. Я осмотрелся вокруг и дрожащей рукой вставил ключ в замоchnую скважину. Ключ с трудом повернулся в двери, и... она открылась.

Я еще раз огляделся и вошел в квартиру. Быстро, но аккуратно я закрыл дверь, запер ее и повесил ключ на гвоздь. «Не может быть, — сказал я сам себе, — я внутри». Волнение и радость переполняли меня. Эта квартира — не музей, это чье-то жилище, брошенное почему-то, жилище, сохранившееся таким, каким его бросили. История, никем не исправленная, никем не отмытая, такая, какая есть.

Квартира была довольно большой. Пол в прихожей был дощатый, во многих местах доски были выломаны, некоторые как-то неестественно торчали, было впечатление, что их специально кто-то отдирали. Краска на стенах была в огромных трещинах, во многих местах зияли внушительного размера дыры, очевидно было, что красили стены очень и очень давно. Под потолком виднелись каким-то чудом сохранившиеся фрагменты лепнины, а из центра потолка свисал довольно длинный

провод с лампочкой на конце. Я пригляделся к лампочке: нить накаливания была цела. «Интересно, — подумал я, — может быть, она еще и работает?» Глазами я отыскал на стене выключатель и нажал на его кнопку. Лампочка загорелась. «Ну и дела!» — вырвалось у меня.

И тут же в голове промелькнула мысль, что в квартире может кто-то бывать. Сердце застучало быстрее. Мне захотелось немедленно уйти, но желание осмотреть и сфотографировать свое открытие было сильнее. И я пошел дальше.

Квартира состояла из трех комнат, кухни и туалета. Везде была примерно такая же разруха, как в коридоре. В комнатах пол был паркетный, паркет во многих местах был выломан, где-то он превратился в щепки. Что меня удивило, так это то, что во всех комнатах висели работающие лампочки, в туалете был старый, немного разбитый, но чистый унитаз, вода не была перекрыта, в окнах стояли стекла без трещин и даже не сильно грязные. А главное — в большой комнате я обнаружил старинный диван, довольно пыльный и потертый, на котором лежали совершенно современные ножницы.

Мне вдруг стало очень страшно, я наскоро сделал несколько фотографий и как можно быстрее вышел из квартиры. Убедившись в том, что меня никто не видит, я запер дверь и через дырку повесил ключ на гвоздь. Ну и приключение! Я попал в такое место, о котором можно было только мечтать! Впечатления наполняли голову, кадры из квартиры — карту памяти фотоаппарата, а чувство удовлетворенности от проделанного — все мое существо.

12

Что ж, хватит пока воспоминаний. Быть здесь и сейчас — вот что нужно для счастья, говорят умные люди. Здесь — это мой дом, моя комната, мой компьютер, сейчас — это вечер мартовского понедельника, насыщенного разговором с начальницей, прогулкой по Невскому, потоком воспоминаний. Что ж, буду это здесь и сейчас понимать, принимать и искать в нем счастье.

Дом. Наконец-то я могу в спокойной обстановке разобрать новые фотографии, опубликовать часть из них в Сети и написать пару-тройку постов о том, как я провел минувшие выходные.

Я включил компьютер, вставил в него карту памяти с фотографиями и облегченно выдохнул. Ну все, можно быть самим собой, перестать играть туристического агента, прикидываться частью ненавистного мне офисного мирка, можно снять с себя все эти ужасные многослойные маски, которые порой так сильно прилипают, что отдираются уже вместе с кусочками кожи, и заняться тем, что мне действительно кажется важным и интересным. Только я уселся на стул перед компьютером, как в комнату вошла мама. В руках у нее была большая кружка горячего чая, от которого шел пар.

— Все сидишь в своем компьютере, — со вздохом сказала она.

— Да, мам, занимаюсь делами, — быстро ответил я (не люблю, когда меня беспокоят в такие моменты, и поэтому всегда стараюсь поскорее закончить разговор).

Но у мамы были другие планы. Она прошла дальше в комнату и приблизилась к моему столу.

— Ну и чем ты тут все время занимаешься, позволь мне узнать, — сказала она таким тоном, которым обычно начинает неприятный для меня разговор. Неприятный, потому что затевается он для того, чтобы проникнуть в мой мир, узнать мои тайны, а свой мир и свои тайны я построил для того, чтобы никого в них не пускать. Я бы, может быть, и хотел, чтобы этот мой мир стал единственным

настоящим, но... но... Но почему обязательно нужно раз за разом начинать этот отвратительный разговор!

Я посмотрел на маму и как можно мягче произнес:

— Мам, ну мы же это обсуждали сто раз уже.

— Может быть, и обсуждали, но я так ничего и не поняла.

Сегодня она была настойчива. Что ж, придется крепче держать оборону.

— Мам, а может у меня вообще быть своя личная жизнь? Мне уже тридцать лет, между прочим.

— Вот это меня и беспокоит, — послышался неожиданно голос отца из-за моей спины.

— Папа, ты меня напугал. Ты все время как-то незаметно подкрадываешься! — сказал я.

— Взрослого мужика тридцати лет такими пустяками не испугаешь! — ответил он.

— Ну-ну, мальчики, не накаляйтесь! — вставила мама.

— Нас вот с матерью интересует, чем ты вообще живешь, — проговорил отец, садясь на диван около моего стола.

— Саша, ну уж ты перегнул палку! Мы знаем, чем живет наш сын. Мы не знаем, почему он так живет и счастлив ли он! — воскликнула мать.

— А вот о счастье ребенка, дорогая моя, нужно было думать, когда ты всю семью уволокла из Дзержинска в этот твой Санкт-Петербург! Поздно теперь об этом задумываться!

— Саша, не перегибай палку, я повторяю, — мамин голос начинал становиться все тверже и напряженнее, это было тревожным знаком, это означало, что в любой момент может произойти взрыв.

Я сидел между отцом и матерью и, к своему стыду, думал только об одном: когда же они уйдут из моей комнаты и позволят мне заниматься тем, о чем я мечтал сегодня весь день. Я сидел молча и старался не встречать в их спор.

— Ты притащила нас в этот город, надоумила сына поступать в педагогический и устроила его на эту работу. С тебя и спрос! — почти уже кричал отец.

— Да как тебе не стыдно? Мальчик любит географию, он любит разные города и страны, ему все это интересно! — отчаянно отстаивала свою позицию мать.

— Благодаря тебе ему все это интересно, с твоей подачи!

Я не выдержал и вставил свою фразу:

— Мам, пап, может, хватит?

— Мы, между прочим, из-за тебя ссоримся, нас беспокоит твоя жизнь! — немедленно ответила мать.

Я тут же пожалел о том, что влез в их спор. И снова замолчал.

— Мотя, пойми нас, — продолжала мать, — ты сильно изменился с некоторых пор.

Ее голос стал мягче, и я снова почувствовал стыд за свое отношение к родителям.

— Вот скажи, чем ты все время занимаешься в Интернете? — мама смотрела на меня, я смотрел в пол.

— Мам, ничем особенным я здесь не занимаюсь, просто читаю блоги путешественников, смотрю фотографии, изучаю, кстати, Питер. Это и для работы нужно.

— Что, каждый день? — недоверчиво спросил отец.

— Папа, мир огромен, и даже Питер очень большой — настолько, что может жизни не хватить на его изучение.

— В таком случае, ты чокнулся на почве своих путешествий! Каждый день читать о них и смотреть картинки — это ненормально! В твои годы надо не то

что девушками интересоваться, надо жениться и заводить детей! И думать о карьере! — снова завелся отец.

— Папа, позволь мне самому решать, о чем мне думать и чем мне интересоваться, — сухо ответил я.

Я ненавидел эти разговоры. Что ж это такое? Ни на работе, ни дома никто не хочет позволить человеку просто быть собой! Жить своей жизнью! Всюду все пытаются заставить человека делать то, что считает правильным кто угодно, только не он сам! Я просто хочу опубликовать свои фотографии в Интернете! А меня пытаются лишить и этой простой радости! Как я устал выслушивать все эти бесполезные разговоры! Я сам знаю свои проблемы, зачем мне о них вот так долдонить!

— Мотя, чем ты занимаешься по выходным с Владиком? — спросила вдруг мать.

Ее вопрос был столь неожиданным, что в комнате резко воцарилась тишина. Я посмотрел на нее. Мама смотрела на меня пристально и серьезно. Мне стало не по себе, я опустил взгляд и проговорил:

— Просто гуляем.

Отец хлопнул ладонью по столу. Мать вздрогнула.

— Отвечай, когда тебя родители спрашивают! — прокричал он почти уже свирепо.

— Мотя, вы занимаетесь чем-то незаконным? — голос матери дрогнул, на глазах ее появились слезы.

Я понял всю серьезность ситуации и проговорил, взяв маму за обе руки:

— Мама, ну, конечно же, нет, мы просто гуляем по Питеру. Ходим туда-сюда на разные мероприятия. Развлекаемся, отдыхаем. Ничего незаконного нет.

Я говорил искренне (неправдой было только присутствие Владика в моих прогулках), мне было больно оттого, что я заставил родителей так сильно беспокоиться о себе. Мне и в голову не приходило, что у них могли появиться подобные мысли.

— А наркотики? — спросил отец.

— Нет, папа, о каких наркотиках ты говоришь? Я даже траву никогда в жизни не курил!

— Даже траву! Еще бы ты ее курил! Поговори у меня тут! — строго, но уже гораздо более сдержанно сказал отец.

Лица родителей стали спокойнее и даже как будто светлее. Да, наделал я дел этой своей двойной жизнью. Конечно, рано или поздно родители должны были начать подозревать что-то неладное. Что-то нужно делать, что-то со всем этим нужно делать.

Родители еще немного порассуждали на тему моей беспутности и наконец оставили меня одного. Я облокотился локтями на стол и обхватил голову ладонями. Несколько секунд я просидел неподвижно, словно в оцепенении.

Затем я открыл свой блог и начал как-то бессознательно читать свои посты. Двойная жизнь. Что, собственно, такого я скрываю? Я не делаю ничего уж такого особенного, что никак нельзя было бы рассказать хотя бы родителям. Они беспокоятся, выдумывают всякие жуткие версии. А я, в общем-то, просто играю в крутого парня, в мифического путешественника, в непревзойденного знатока питерских задворков. Опять играю. Очередная роль. А где я? Где, собственно, я?..

На следующий день мне позвонил Владик Туманов.

— Ты помнишь Ксюшу? — спросил он.

Я помнил Ксюшу. Хорошенькая, скромная девушка из Сестрорецка с совершенно детским (несмотря на ее двадцать восемь) лицом и волосами, заплетенными в

косы совсем по-девчачьи. Владик и Ксюша познакомились в октябре, в тот день, когда Эрмитаж можно было посетить бесплатно.

О возможности бесплатного посещения музеев и других интересных мест я всегда пишу на своих страницах в Интернете. Так вот они познакомились в тот день в Эрмитаже. Пошли они туда, разумеется, не из-за моих постов в соцсетях, они пошли сами по себе и сами по себе там встретились. С тех пор они встречались, кажется, почти каждые выходные.

— Конечно, я помню Ксюшу, что за странный вопрос? Я же видел ее два или три раза... — ответил я.

— Ну да, да. Просто я волнуюсь, поэтому говорю ерунду, — сказал он.

— А что случилось-то?

— Да ничего, ничего не случилось. Мы просто решили пожениться, — он вдруг как-то промямлил последнюю фразу.

— Неожиданно! — вырвалось у меня (это было и впрямь неожиданно, Владик — и вдруг жениться!). — Поздравляю!

— Спасибо, — ответил он, — моим свидетелем будешь?

Я, разумеется, согласился. В общем-то, я был рад за Владика. Он редкий, добрый, хороший человек. Да и Ксюша, по-моему, просто замечательная девушка.

Но... Но теперь я уже совершенно окончательно, совершенно катастрофически остаюсь один. В последнее время я мало с кем общаюсь, даже с Владиком я только созваниваюсь иногда, а встречаюсь не чаще раза в месяц, а то и в два, а то и в три месяца... Но... Но с Владиком я почему-то все это время чувствовал какое-то родство... Одинаковую одинокость... И почему-то появление в его жизни Ксюши не приводило меня к мысли, что он может на ней жениться. Не знаю даже, почему я никогда не думал об этом. Ведь это самое естественное развитие отношений молодого человека и девушки. И вот теперь его жизнь резко меняется. Я рад, я искренне рад за него, я, честно, рад за него. И в сердце даже как-то тепло стало. Тепло и грустно. Тепло и пусто. Тепло и тоскливо.

Владик женится. А это значит... что молодая жена вряд ли будет довольна нашими с ним ночными похождениями (о которых Владик, разумеется, и не подозревает), по крайней мере, мои родители начеку еще больше, если я буду рассказывать им, что ухожу на ночную тусовку с другом, который только-только женился. Итак, прикрываться Владиком скоро станет невозможным. Двойную жизнь вести все сложнее. Что ж, грядут неизбежные перемены. И я уже не могу спрятаться от них. Я уже не могу без них.

Свадьба была назначена на июль. А значит, у меня оставалось еще хотя бы два-три месяца, в течение которых Владик может являться моим прикрытием перед родителями. В мае-июне он будет готовиться к знаменательному дню, и, как ни крути, наши с ним совместные гулянки придется отменять.

Ладно, как-нибудь все устроится. А пока буду жить, как живу. У меня много дел, много интересных и важных дел. Вот ими и займусь. Сейчас напишу отзыв о хостеле и потом выложу фотографии чудо-квартиры на Некрасова. Только позавчера был там, а уже чувствую непреодолимое желание побывать там снова. Впрочем, мне кажется это небезопасным, а значит, надо гнать от себя подобные мысли. Странная эта квартира, манящая и странная...

Я включил компьютер. Прежде, чем заполнять ресурсы новыми материалами, неплохо было бы взглянуть на то, как люди реагируют на предыдущие и что вообще

обо мне пишут в последнее время. Я забил в поисковой строке «Путешественник Матвей Синичкин». Сначала в результатах поиска появились мои личные страницы, потом замелькали форумы и страницы других пользователей, которые упоминают обо мне. На одном из форумов я решил остановиться.

«Кто-нибудь видел Матвея Синичкина живьем?» — писал пользователь Анжелика.

«У меня подруга работает в хостеле, он у них жил летом. Говорит, симпатичный!)))» — ответил пользователь Малышка@@@.

«Малышка@@@, а она его не сфотографировала?»)» (Анжелика)

«Не догадалась!)))» (Малышка@@@)

«Девочки, а давайте его выследим!» — вмешался в разговор пользователь Евгения Викторовна.

«А что, идея!» (Малышка@@@)

«Да как его выследишь, он же не говорит заранее, в какой хостел поедет жить» (Лизонька)

«Нужно везде завести своих агентов! :-»)» (Анжелика)

«А вдруг он урод???)» (Каркуша)

«Каркуша, не пори чушь, негодяйка!» (Малышка@@@)

«А что, разве такого не может быть?»)» (Каркуша)

«Даже если он и не красавец, этого никто не заметит, потому что он звезда Интернета)))» (Анжелика)

«Дело не в том, что он звезда, а в том, что он талантливый человек, потрясающий фотограф, интереснейший блогер. И его статьи, все без исключения, очень полезны и информативны. Вы видите, как много людей ему пишет, задает вопросы, и всем он помогает». (Лизонька)

«Лизонька, Вы интеллигент. А мы все о своем, о женском»)» (Евгения Викторовна)

«)))))))))» (Анжелика)

«)))))))))» (Малышка@@@)

Все, хватит это читать. Я закрыл форум и открыл свой блог. Да, что скрывать, мне приятно, что девочки устроили вокруг меня суету. Мне приятно. Но, по большому счету, это все ерунда, это все пустота. Вот Владик женится на Ксюше. Это настоящее. А здесь... Какие-то мифические девочки обсуждают условно существующего путешественника Синичкина... Опять иллюзия. Опять маскарад.

Что ж. Начнем писать отзыв о хостеле. Добавить немного правды в мою жизнь, кажется, просто необходимо.

Сегодня среда. Для человека, живущего в формате пятидневной рабочей недели, это так называемый экватор. Еще рано говорить о выходных, но уже поздно лить слезы от мысли, что все еще только начинается (как в утро понедельника). Вместе с тем для многих среда — очень тяжелый день: это сердцевина рабочей недели, центр суеты, к среде человек уже опутан по рукам и ногам щупальцами рутины, и эти щупальца тащат его все глубже и глубже, погружают его в серую бездну, выбраться из которой очень сложно.

Я шел в турагентство, одетый в дешевенький пуховик и старые джинсы, уже начинавшие протираться между ног и на коленях (все было куплено года два назад во время распродажи). На носу сидели мои древние роговые очки, в руках был убогий портфель.

Питер таял, растекался ручейками по асфальту. Небо было серым, но невозможно было не слышать, как в воздухе звенит весна. Люди шли по этой весне скучной однородной массой. Я не различал их лиц. Мне не было до них никакого дела. Я чувствовал себя частью толпы, я смешивался с ней, терялся в ней, плыл по ее волнам, превращался в серый питерский камень...

Я турагент. Ни разу за всю свою жизнь я не был за границей. Ни разу за всю свою жизнь я не был даже в Москве, даже в Кронштадте, даже... Нигде.

К началу рабочего дня я опоздал минут на десять. Когда я вошел в офис, все сотрудники были уже в сборе. Все они (что несколько удивило меня) столпились возле одного стола, смотрели на экран компьютера, что-то шумно обсуждали и смеялись. Увидев меня, они повернули ко мне головы и как-то по-особому посмотрели. Некоторые усмехнулись, некоторые, наоборот, вдруг смолкли. Мне стало неприятно. «Ну опоздал на десять минут, что такого, в прошлый раз Елена Александровна опоздала на полчаса, никто ей слова не сказал», — я злился и старался, не глядя ни на кого, пройти к своему столу. «Скорее бы провалиться в свое кресло и опустить сидение к самому полу!»

— Синичкин! А мы тут тебя в Интернете нашли! — услышал я голос за своей спиной.

Я остановился. Внезапный холодный пот проступил на моей коже. Медленно, стараясь быть как можно спокойнее, я повернулся к своим коллегам.

— Что? — спросил я.

— Да вот пишут: «Известный путешественник Матвей Синичкин вновь посетил Санкт-Петербург», — ответила ярко накрашенная брюнетка и бросила на меня какой-то особенный взгляд, содержание которого я не уловил.

— Очень смешно, — процедил я сквозь зубы.

Я едва сдерживал эмоции. Мне казалось: еще чуть-чуть, и я упаду в обморок.

— Да мы правду говорим, — смеясь, сказала молоденькая блондинка, студентка-заочница факультета туризма, неугомонная хохотушка, способная все превратить в шутку, — вот подойди, посмотри, тут о тебе пишут!

Она закрыла лицо руками и залилась звонким смехом. Глядя на нее, захихикали многие.

— Ну что же ты не идешь, подойди к нам, посмотри, — проговорила брюнетка.

Я словно прирос к полу. Стоял, смотрел на них и молчал. Я впал в какое-то оцепенение. Я никогда не представлял себе подобную ситуацию, я даже мысли не допускал, что в турагентстве кто-то может узнать о моей двойной жизни. Мой мозг не знал, как реагировать на произошедшее, кажется, он просто решил отключиться от реальности...

Неожиданный удар по плечу заставил меня очнуться.

— Да что ты замер-то, Синичкин?

Я обернулся. Один из моих коллег, пижонистый молодой человек в дорожном костюме, стоял передо мной и улыбался во весь рот.

Я дернул плечом, потер его и пробубнил:

— С ума сошел? Так меня ударить.

— А ты не спи стоя, — он засмеялся, и все вокруг засмеялись вместе с ним.

— Да не переживай ты, никаких секретов о тебе мы в Интернете не нашли, — сказала брюнетка, — есть у тебя тетка — Матвей Синичкин, всем известный путешественник, специализируется именно по Петербургу. Что, не слышал о таком?

Я покачал головой.

— А надо бы, — послышался голос директрисы.

Все обернулись. В дверях стояла Ольга Павловна. Вид ее был суров.

— И это касается не только Синичкина. Я, например, слежу за этим путешественником уже месяца три. И мне стыдно, что так мало, потому что он не первый год разъезжает по Питеру и, между прочим, собирает уникальные материалы. Которые абсолютно свободно размещает в Интернете! Его материалы — кладезь для тех, кто работает в туризме. А вы спите! И я сплю! Позор! Какие мы после этого сотрудники турагентства?! Всем задание — изучить ресурсы, на которых путешественник Синичкин размещает свои материалы. Наиболее ценные из них поместить в наш банк, показать мне. Разработаем новые маршруты для внутреннего туризма. Новые уникальные экскурсии! Шевелитесь, пока конкуренты не опередили нас! И тебя, Синичкин, это тоже касается!

Я выдохнул. Слава богу!

16

Да, все-таки ничему меня жизнь не учит. Глупец! И как мог я подумать, что они всерьез примут меня за путешественника Матвея Синичкина?! Меня! Зашуганного, некоммуникабельного, пожалуй, даже уродливого, имеющего стабильно самые низкие показатели по продажам агентика, человечка, замухрышку!.. Ах, если бы у меня не было оклада, а зарплата складывалась из одних только процентов, она бы равнялась нулю! И держат меня в этом агентстве исключительно из-за моей мамы.

Рабочий день был окончен. Я шел по вечернему Невскому. Не хочу в метро. Не хочу домой. Никуда не хочу. Буду идти куда глаза глядят, пока ноги не отвалятся.

Сначала я почувствовал сильное облегчение, когда понял, что никто всерьез не принимал меня за известного путешественника. Я понял, что бояться мне нечего. Что я могу со спокойной душой продолжать вести двойную жизнь, и никто, по крайней мере, на работе, не заподозрит меня в этом. Пожалуй, даже если я опубликую в Интернете фотографию со своим лицом крупным планом и подпишу ее «Матвей Синичкин», никто не узнает на ней меня, турагента-аутсайдера.

Сначала я почувствовал облегчение. А потом — досаду. Обиду. Злость. Как они должны презирать меня, чтобы даже не допустить мысли о том, что я могу быть в чем-то успешен. Кто я в их глазах? Мошка? Микроб? Ничто. Пустое место. Можно надо мной вот так просто взять и посмеяться. И я не обижусь. Никто не думает, что я могу обидеться. Кажется, по их мнению, я не могу ничего, даже испытывать самые простые и понятные чувства.

А как так случилось, что я стал таким человеком? С чего все началось? Когда все началось? Уже здесь, в Питере, или еще в Дзержинске?..

Я шел куда-то, куда несли меня ноги. Погода вдруг начала резко меняться. Такая чудесная весна была утром, и вот откуда-то налетела вьюга, снег начал кружиться повсюду, лететь в лицо, заметать город. Ветер дул так сильно, что порой трудно было удержаться на ногах. Я шел, почти не разбирая дороги. Снег начинал валить стеной, огромные хлопья мгновенно превратили город в пленника стихии. Идти было все труднее. Я остановился. Где это я? Из-за снега я никак не мог различить улицу, на которую забрел. И вдруг я понял: прямо передо мной был тот самый дом на Некрасова, в котором находилась та самая квартира...

— Не может быть, — прошептал я.

А почему, собственно, не может? Кажется, это квартира — единственное место, куда бы мне действительно сейчас хотелось пойти. Осталось пробраться в подъезд, но это не самая трудная задача.

Все было просто: чтобы проникнуть в подъезд, достаточно лишь позвонить в хостел, в котором я совершенно недавно жил. Я подошел к двери и нажал на кнопку с надписью «Некрасов-хостел».

— «Некрасов-хостел», — послышался женский голос из динамиков.

— Здравствуйте, насчет брони, — ответил я.

Из динамиков раздался отрывистый писк, и дверь открылась.

Я направился прямоиком на второй этаж — к своей заветной цели. Медлить было нельзя, я быстро подошел к квартире, дернул ручку, убедился, что дверь заперта, ловким движением просунул руку в уже знакомую мне дыру, взял ключ, дрожащими руками вставил его в замок, повернул два раза и буквально влетел в квартиру. Я запер дверь, повесил ключ на гвоздик и, облегченно выдохнув, прижался спиной к двери.

«Наврал в хостеле о брони, сейчас будут искать, кто проник в подъезд», — крутилось в моей голове.

Я стоял и слушал, стараясь дышать как можно тише. Прошло еще мало времени, нужно выждать минут десять-пятнадцать, администратор хостела еще не поняла, что посетителя не будет. Я ждал. Никаких звуков в подъезде однако слышно не было. Я решился заглянуть в дыру в двери: пусто, совершенно пустой подъезд, никто, кажется, и не собирается меня искать.

Что это я, в самом деле? Никто не пойдет в подъезд искать пропавшего посетителя. Не пришел, и ладно. Никому ни до кого нет никакого дела.

Свет, однако, лучше пока не включать. Меры безопасности никогда не бывают лишними.

В потемках я пошел вглубь квартиры. Осторожно перешагивая через торчащие повсюду доски, я прошел в комнату, которая довольно хорошо была освещена фонарем. Это была та самая комната, в которой в прошлое мое посещение я обнаружил старинный диван и лежащие на нем современные ножницы. Что ж, продолжим осмотр. Помимо дивана я разглядел в комнате старинную раму для зеркала, довольно большую, с витиеватым узором; она валялась около стены и была покрыта грязью. Впрочем, грязью здесь было покрыто все, что совершенно неудивительно.

В одном из углов я разглядел грудку каких-то железок — остатков мебели. Но самая интересная находка ждала меня в другом углу: я обнаружил прекрасно сохранившуюся изразцовую печь, высокую, узорную. Какая красавица! Я бросился к ней, включил фонарик на телефоне и начал осматривать ее, пытаюсь не упустить ни одной детали, я трогал ее трещинки, гладил прохладный кафель и буквально не верил своим глазам. Впрочем, фонарик — это небезопасно. Я отключил его и позволил себе сделать только одну фотографию. Старинный диван, обнаруженный мной еще в прошлый раз, стоял прямо напротив печи. Я решил сесть на него и любоваться печью отсюда.

Сидел я долго. В окно светил желтый фонарь, огромные хлопья снега продолжали засыпать город. Я смотрел на печь. О чем я думал — не знаю. Я словно впал в какое-то оцепенение, выходить из которого мне не очень-то и хотелось. Очнуться меня заставил телефонный звонок. Он был настолько неожиданным, точно из какого-то другого, внешнего, забытого мной мира, что я едва не подпрыгнул от испуга. Звонила мама. Мне было как-то странно, неловко говорить по телефону в этой квартире. Здесь была такая тишина, такая отстраненность от всего современного, что телефон казался дикостью. Но звонила мама. Моя мама, которую я не предупредил о том, что домой приду позже, которая наверняка волнуется за меня. Я ответил.

— Мотя, где ты? Мы с отцом места себе не находим, — послышался родной голос в трубке.

— Мама, я решил прогуляться после работы, скоро поеду домой, — ответил я. Мой голос показался мне неестественным в этих стенах. Нереальным.

— Да какое гулянье? На улице буря!

— Мама, не преувеличивай, не буря, а всего лишь сильный снег (я глянул в окно, снег разошелся еще больше, кажется, это была действительно буря). Я в кафе зашел, не переживай, я не превращусь в сугроб.

— Мотя, будь благоразумным.

— Буду, мама, буду. Сейчас уже пойду в метро.

Я отключил телефон. Да, ехать действительно было нужно. Время на телефоне было 20.08. Кажется, я не меньше часа уже здесь сижу. Я убрал телефон и решил еще раз напоследок взглянуть на красавицу-печь. Я сел на диван чуть глубже и положил на него обе руки. Вдруг меня словно прострелило. Я посмотрел на диван, вскочил с него, не думая ни о чем, включил на телефоне фонарик, упал на пол на колени, заглянул под диван, осветил фонариком все пространство около дивана. Ножницы! В прошлый раз на диване лежали современные ножницы с пластиковыми ручками! Они совершенно точно здесь лежали! А теперь их НЕТ!

О Боже! Здесь точно кто-то бывает. Я бросился прочь из комнаты. Мне было очень страшно. Кто бывает здесь? Зачем? Может быть, это какое-то логово бандитов, я безумец, куда меня несет!.. Я в два шага подскочил к входной двери, заглянул в дыру (в подъезде никого не было), открыл дверь, выскочил наружу, запер дверь, повесил ключ на гвоздь и стремглав бросился вниз по лестнице.

Я был уже на последних ступеньках, когда налетел на старого-старого дедушку (на вид ему было лет сто) и едва не сбил его с ног. Обеими руками я вцепился в него, чтобы он не упал на пол. Он ошарашенно посмотрел на меня. Я заметил, что лицо его было мокрым от снега, а на ресницах сверкали крупные капли.

— Простите! Простите, — пробормотал я.

— Будьте осмотрительнее, молодой человек, — весьма твердым голосом проговорил он.

— Простите, — повторил я еще раз.

Дедушка обошел меня и направился к лестнице. Я двинулся к выходу. Подойдя к входной двери я поднял руку, чтобы нажать на кнопку электронного замка, и тут меня прострелило снова. Со всех ног я кинулся обратно к лестнице, стараюсь как можно меньше топтать, взбежал на второй этаж и увидел, как ЗАКРЫВАЕТСЯ ДВЕРЬ ТОЙ САМОЙ КВАРТИРЫ!!!

Чтобы уснуть в эту ночь, мне потребовалось выпить успокоительных. Перед глазами стоял старик, в ушах звучал его голос, пальцы ощущали его влажное пальто, в которое я вцепился, чтобы не сбить старика с ног. «Так вот кто ходит в ту квартиру! — кружилось в моей голове — Но зачем, зачем он ходит туда? Кто он такой? Ах, старик! Сколько загадок ты мне задал!»

Наутро я отправился на работу. Всю дорогу в автобусе и метро я рассматривал фотографию изразцовой печи, сделанную мною вчера в той квартире. Рассматривал фотографию и думал о старике. Уже на Невском, когда шел по заснеженному после вчерашней бури тротуару, я вдруг вспомнил о том, что вчера в агентстве меня сильно обидели. Вспомнил и усмехнулся. Обида со вчерашнего дня не прошла. «Вы думаете, что я — пустое место? Что ж, пусть будет так. Быть пустым местом в ваших глазах — самое удобное, что может быть для человека, ведущего двойную жизнь. Сегодня, коллеги, пустое место сыграет с вами в одну увлекательную игру».

Я вошел в агентство в очень бодром расположении духа. Энергичным шагом я подошел к своему столу, быстрым движением включил компьютер, опустил стул и плюхнулся на него. Я улыбался. Я пытался перестать делать это, но никак не мог. Улыбка словно приклеилась к моему лицу и не хотела покидать его. Это немного беспокоило меня. Как бы кто чего не заподозрил и не пристал с вопросами. Обычно турагент Матвей Синичкин имеет хмурое, а довольно часто и просто тупое выражение лица. Не помню даже, был ли я когда-нибудь хоть раз довольным.

Вскоре опасения мои подтвердились. Мой щеголеватый коллега, ударивший меня вчера по плечу, стал бросать на меня многозначительные взгляды, а когда понял, что моя улыбка — это не его галлюцинация, скривил лицо, изобразив на нем крайнюю степень удивления, и довольно громко проговорил:

— Синичкин, что это с тобой сегодня? Ты весь светишься, что-то не припомню тебя таким.

Я пожал плечами и весело проговорил:

— Не знаю, не замечаю в себе никаких перемен.

Коллега мой еще больше удивился тону моего голоса, привстал со своего места и, направляясь ко мне, произнес:

— Да ты на себя не похож! У тебя даже лицо будто помолодело!

— А я разве так уж стар? — неожиданно для себя самого ответил я. Обычно я бубню себе под нос что-то невнятное. Что вдруг произошло со мной сегодня, я и сам никак не мог осознать.

Наш разговор услышали остальные. Я почувствовал, как множество глаз устремилось в нашу сторону. Как ни странно, это еще больше меня задорило. Я готов был рассмеяться в голос.

Наше (точнее, мое) веселье прервал голос директора. Ольга Павловна появилась в дверях своего кабинета и весьма грозно проговорила:

— Вчера всем было дано задание: изучить все ресурсы, которыми пользуется известный путешественник Матвей Синичкин. Я надеюсь, вы уже начали эту работу и у каждого из вас есть что-то интересное?

В ответ ей я услышал только молчание.

— Безусловно есть, — послышался наконец голос моего щеголеватого коллеги.

— Есть кое-что, — сказала молоденькая блондинка.

— Даю вам час на то, чтобы составить карту его передвижений за последний месяц. Особенно меня интересует последняя неделя. Мне нужно все, что он выкладывает в сеть. Потом займемся его более старыми постами. Вы должны быть в курсе всего, что он делает, следить за каждым его шагом. Постоянно! Через час собрание.

Ольга Павловна ушла в свой кабинет. Я был счастлив. Лучших условий для игры, которую начинает пустое место прямо сейчас, невозможно даже представить.

Турагенты зашуршали бумажками, закрипели карандашами и ручками, защелкали клавишами компьютеров. Я улыбался. Смотрел на них всех и улыбался. Никто из них сейчас не обращал на меня никакого внимания. Я достал из кармана свой мобильный телефон и подсоединил его к компьютеру. «Начнем игру, дорогие коллеги, известный путешественник Матвей Синичкин готов показать вам кое-что».

Я открыл свой блог, страницы в социальных сетях и начал писать:

«Последнее открытие, которое мне удалось сделать в Санкт-Петербурге, заставило меня задержаться в городе дольше, чем обычно. Открытие поистине уникаль-

ное. Ради таких мест люди готовы преодолевать многие километры. Опубликую пока лишь одно фото, но, поскольку это место пленило меня и я практически не покидаю его, в скором времени появятся новые фотографии и подробности о том, что за сказочный уголок мне удалось обнаружить на этот раз».

Я прикрепил фото изразцовой печи, нажал «Enter», и мой пост разлетелся по всем моим ресурсам. Я поставил локти на стол, закрыл лицо руками, спрятал за ними свою улыбку и принялся ждать.

Ждать мне пришлось недолго. Всего через три минуты дверь кабинета директора распахнулась, и из нее буквально вылетела Ольга Павловна.

— Вы это видели?! — прокричала она.

Все встрепнулись.

— Видели вы это или нет, я вас спрашиваю?

— Что именно, Ольга Павловна? — заискивающе произнес наш офисный щеголь. Щеголя звали Иван Журавлев. Обычно его манера немного, как бы слегка, подлизываться, но при этом держаться удальцом и молодцом давала именно тот результат, на который он рассчитывал. Но сейчас все пошло совершенно не по обычному сценарию.

Ольга Павловна завелась не на шутку. От нее словно било электричеством.

— Да проснитесь вы уже, наконец! Вы что, хотите угробить наше агентство?! Я уверена, что сейчас все, все более или менее уважающие себя турагентства и экскурсионные бюро уже разработали новые уникальные маршруты на основе материалов Синичкина, а мы, мы остались далеко позади всех!

— Ну не преувеличивайте уж так, Ольга Павловна. Не думаю, что все такие шустр... — начал было Журавлев.

— Молчать!!! — взвизгнула директриса.

От неожиданности все вздрогнули, в агентстве воцарилась полная тишина. Вообще Ольга Павловна так себя никогда не вела. Она могла вспылить, но чтобы кричать... Нет, такого не случалось с ней никогда.

И тут в голову мне пришло... вставить пару слов в диалог. Едва сдерживая улыбку, я тихо сказал:

— Фотографию печки он выложил только что...

Глаза всех присутствующих обратились на меня. Теперь виновником продолжающейся тишины, кажется, был я.

— Вот, посмотрите, — проговорила Ольга Павловна, — очнулся наш Матвей Александрович, — она подошла к моему столу и пристально посмотрела на меня, — именно фотографию изразцовой печи я и имела в виду. Может быть, ты и еще что-нибудь нашел?

— Пока нет, — ответил я.

Ольга Павловна медленно направилась к своему кабинету, кажется, за эти несколько секунд у нее произошло сильное эмоциональное истощение. Приблизившись к двери, она немного задержалась.

— Поздравляю, Синичкин. Сегодня ты единственный, кто смог сохранить во мне надежду на то, что нашему агентству еще не пришел конец.

В этот момент из динамиков моего компьютера раздался негромкий звук.

— Ольга Павловна, только что он выложил еще одно фото, — промямлил я.

Она сорвалась с места и бросилась к моему столу. Подбежав, она развернула экран компьютера к себе: на нем было изображение старинного дивана, сделанного мной в мое первое посещение квартиры.

— Где это? Где это находится? — почти прокричала она.

— Он не пишет адреса, — почти прошептал я.

— Итак, боевая готовность номер один! Всем следить за всеми его ресурсами. Он не пишет адресов. Но мы же профессионалы. Он — заезжий человек. Но мы же местные жители. Ищите адреса, узнавайте, где он гуляет, составляйте карту его перемещений. Не прошляпьте. Коллеги, я очень вас прошу: не прошляпьте.

— Он выложил фото фрагмента лепнины! — послышался голос молодой блондинки.

— Работаем, коллеги, работаем!

Весь день я задорил своих коллег, выкладывая новые фотографии и тексты. Все агентство было поглощено моими постами. До самого вечера без отдыха они стучали клавишами компьютеров, переговаривались. Я более не проронил ни слова. Я дал им возможность самим копать в том, на что способно пустое место. И они копались. Формировали целые банки фотографий. Но ни одного адреса им раздобыть не удалось.

Это был неплохой день. Необычный рабочий день. День, который мне не забыть еще долго.

19

Вечером я пришел домой, включил компьютер, открыл свой блог, все свои страницы в социальных сетях и написал:

«С самого раннего детства я знал, что, когда вырасту, стану путешественником. Я очень этого хотел. Очень этого ждал. И вот когда произошло самое естественное событие в моей жизни, когда я стал тем, кем, как мне кажется, был рожден стать, я ощутил в чистом виде счастье. Пока я путешествую только по Санкт-Петербургу, может быть, мне захочется когда-нибудь расширить свой маршрут. Но пока я путешественник одного города. И знаете, что я хочу вам сказать? Может быть, это прозвучит надменно, но...

Все эти экскурсии, которые вам предлагают петербургские агентства, — подходят только новичкам. На них вы можете познакомиться лишь с фасадами Питера. А чтобы изучить город изнутри, познать весь его ослепительный блеск и всю его мрачную убогость, вам незачем идти к бездушным ремесленникам. А люди, работающие в турагентствах и экскурсионных бюро, за редким исключением, — это именно ремесленники.

Они работают по шаблонам многие годы. Знаете, им ведь наплевать на Петербург и на туристов. Сегодня мне сообщили, что одно из агентств пытается украсть мои маршруты и на их основе составить новые экскурсии. Я даже не буду с ними разбираться. Им это просто не удастся. Никогда. Простите, я буду груб. Но как мне себя вести, если меня пытаются обокрасть?

Я годами прокладываю нестандартные маршруты, ищу самые интересные места, безвозмездно даю рекомендации всем желающим, а тут такое. Знаете, пафосные турагентки, вы для меня — пустое место. И еще. Когда я нахожу интересные уголки, куда не ступала нога туриста, я просто делаю фото. Выкладываю его. Но адрес не указываю. Никогда. Так что вам придется не одну пару обуви сносить, пока вы найдете хоть один закоулок».

Я отправил это на все свои ресурсы. Я знал, что поступаю плохо. Что поступаю недостойно, низко. Обида говорила во мне. Наверное, позже я пожалею о сделанном. Но пока... Пока я пойду спать. Спокойной ночи, Ольга Павловна. Спокойной ночи, Иван Журавлев. Спокойной ночи, Санкт-Петербург.

Наутро, еще не вставая с постели, я открыл одну из своих страниц в социальной сети и обнаружил, что мой пост за одну ночь собрал тысячу семьсот восемьдесят девять лайков. За одну ночь. Я мгновенно вскочил с кровати, оделся и выбежал на улицу. Как доехал до работы, не помню. Кажется, всю дорогу я находился в бессознательном состоянии. Очнулся лишь у входа в агентство.

«Догадаются, что это все я написал! — мелькнуло у меня в голове. — Хотя, впрочем...» Я сделал глубокий вдох и вошел. На месте были еще не все сотрудники. А те, кто был, находились в каком-то мрачном настроении. Дверь в кабинет Ольги Павловны была открыта. Я бросил туда взгляд: она сидела на своем месте, поставив локти на стол и закрыв лицо ладонями. Я быстро проскользнул к своему рабочему месту. Мне хотелось быть как можно незаметнее, хотелось съежиться, стать маленьким, прозрачным...

— Быстрее включай компьютер и ищи страницы Синичкина, — услышал я голос Ивана, моего коллеги-щеголя.

— А что там такое? — как можно безразличнее спросил я. Сердце стучало со страшной силой. На ладонях выступил пот.

— Читай. Ольга Павловна в шоковом состоянии.

Я не спеша включил компьютер. «Загружайся помедленнее», — мысленно просил его я.

Когда на экране моего компьютера высветился текст, я посмотрел только на количество лайков: две тысячи пятнадцать. Сердце заколотилось так быстро, что я испугался, как бы оно не вырвалось из груди.

— Что скажешь? — обратился ко мне Иван.

— Да что тут скажешь... — промямлил я.

— Кто-то сливает ему информацию, — раздался голос Ольги Павловны.

Она стояла в дверях своего кабинета, сложив руки на груди, и угрюмо смотрела на всех нас.

«Эй, это же очевидно! — крутилось в моей голове. — Неужели я действительно в их глазах полный ноль???»

— Мне бы не хотелось думать, что это кто-то из вас. Это означало бы, что кто-то знает Синичкина и скрывает это. А такого предательства я даже вообразить не хочу. Я думаю, что кто-то из вас рассказал о наших планах в компании малознакомых людей или, может быть, громко обсуждал эту тему в общественном месте. В таком случае это не предательство, а глупость и неосмотрительность. Но это мало облегчает нашу ситуацию. С сегодняшнего дня я прошу вас держать рот под замком и ни одному человеку, не являющемуся сотрудником нашего агентства, даже не заикаться о том, что мы разрабатываем новые маршруты, опираясь на материалы Матвея Синичкина.

Послышался негромкий гул голосов, люди закивали головами. Ольга Павловна развернулась и ушла в свой кабинет. Я посмотрел на экран компьютера: две тысячи сто восемьдесят пять лайков.

К концу рабочего дня мой пост на разных ресурсах собрал от четырех тысяч двухсот сорока девяти до пяти тысяч восьми лайков. Количество подписчиков на мои страницы росло с непостижимой скоростью. В личные сообщения, там, где они были открыты, пачками сыпались вопросы от журналистов и слова поддержки от самых разных пользователей. Я пролистывал их, не открывая.

Была пятница. В путешествие я отправлялся в прошлые выходные, обычно я делаю это раз в две недели. На большее не хватает денег, да и родители будут беспокоиться еще сильнее, если я чаще буду уходить на целые сутки.

Однако усидеть дома после всего, что произошло в течение этой недели, я не представлял возможным. И я решил: завтра днем пойду в квартиру на Некрасова, была не была. Да, мне страшно, да, это может быть опасно, да, я видел, что хотя бы еще один человек, кроме меня, бывает в этой квартире, причем наверняка, в отличие от меня, имеет полное право там бывать. Но... я уже, кажется, наделал столько всего неожиданного для себя самого, что готов делать это и дальше. Была не была.

Утром, часов в десять, я оделся в куртку путешественника, надел новехонькие джинсы и модные очки, которые позволялось носить только звезде Интернета, и отправился на Некрасова. Подходя к подъезду заветного дома, я увидел подъезжающий к нему автомобиль, белый, красивый и, кажется, весьма дорогой. На всякий случай я замедлил шаг и стал наблюдать за ним. Автомобиль остановился, и из него вышел хорошо одетый мужчина лет тридцати пяти или, может быть, сорока и... (как я этому не удивился) тот самый старик, который входил в ТУ квартиру.

— Филипп Филиппович, подождите меня минуту, — сказал незнакомый мужчина старику, — я быстро припаркую машину.

Он сел в автомобиль и отъехал на несколько метров назад. Старик остался ждать мужчину около подъезда. Тот быстро вернулся, и вдвоем они прошли внутрь. Мне не оставалось ничего, как только встать возле подъезда и предаться думам. Все становилось еще загадочнее: появилось новое лицо, и это лицо вместе уже со знакомым мне дедушкой прямо сейчас направлялось в ТУ квартиру. Я отошел от дома на несколько шагов и решил отыскать окна квартиры. Что я надеялся в них увидеть? Сам не знаю. Все что угодно. Мне было интересно все.

Так прошло минут десять. Наконец в одном из окон я увидел старика. Он просто стоял и смотрел куда-то. Мне было неловко разглядывать его, но оторвать от него глаз я никак не мог. Так мы и стояли: загадочный дедушка, смотрящий вдаль, и я, смотрящий на дедушку. Минуты черз две Филипп Филиппович отошел от окна, и больше я уже никого не видел.

Вышли незнакомый мужчина и Филипп Филиппович из подъезда где-то через час. Я ждал все это время, решил, что не уйду, пока не выйдут они.

Мужчина вышел из подъезда первым, он придержал дверь перед стариком, и тот медленно вышел на улицу. Лицо его было задумчиво.

— Я не тороплю вас с решением, Филипп Филиппович, — услышал я слова мужчины.

— Я знаю, — твердо произнес дедушка и направился к автомобилю.

Как только они уехали, я бросился к подъезду и набрал номер еще одного хостела, располагавшегося в этом доме. Мне открыли. Я быстро взбежал по лестнице на второй этаж, привычным уже движением просунул руку в дыру в дери, ловко сорвал ключ с гвоздя и отпер замок.

Сердце забилось громко и быстро. Круговорот мыслей вращался с такой скоростью, что я не успевал зацепиться ни за одну. Быстрыми большими шагами я пошел в комнату, в которой в прошлый раз я обнаружил печь. Зачем я пошел сюда, зачем я вообще хожу в эту квартиру? Не знаю, ничего не знаю! Хожу сюда зачем-то... А зачем они сюда ходят? Что это за люди? Кто такой Филипп Филип-

пович? Что за мужчина был с ним сегодня? Какое решение должен принять этот столетний старик??? Столетний старик, он такой старый, ему и впрямь никак не может быть меньше ста...

Я прошелся по комнате, осмотрел ее внимательнее при дневном свете. Ничего нового однако я не обнаружил: диван, рама для зеркала, груда железок, красавица-печка...

И все же. Чего они ходят-то сюда? Вот я хожу... ох, не знаю, хотя бы из любопытства... А они чего...

Я решил осмотреть другие комнаты. Вышел в коридор и наугад повернул направо.

Комната, в которой я оказался, была меньше первой. Пол был паркетным, но состояние его было настолько ужасным, что от паркета осталось всего несколько дощечек в разных местах. Повсюду валялись какие-то старые вещи: тряпки, куски мебели, непонятные железки. Прямо за дверью я увидел сваленные в кучу мелкие предметы, которые привлекли мое внимание. Это оказались очень старые елочные игрушки: ватные, бумажные и стеклянные.

Многие из них были в очень плохом состоянии, но несколько прекрасных фигурок мне все же удалось найти. Наиболее хорошо сохранились ватные белочка и лисичка. Я вынул их из общей кучи, положил на одну из уцелевших паркетных досок и сфотографировал. «Отличная находка!» — подумал я, и в голове сразу замельтешили мысли о моем блоге, об Ольге Павловне, об агентстве...

Я вернул белочку и лисичку на место и продолжил исследование комнаты. Вскоре мое внимание привлекла еще одна куча вещей. Это оказались детские игрушки. Я обнаружил довольно большого пупса, деревянный самолет, колесики от пирамидки, две кегли, мишку, гуся и утенок. Среди игрушек валялись отдельные страницы книг и одна целая книга, видимо, чудом сохранившаяся. Это была сказка Юрия Олеши «Три толстяка». Я открыл книгу и на первой же странице увидел надпись, которая заставила меня вздрогнуть: «Любимой сестре Машеньке от Фили. С днем рождения!» — От Фили! — воскликнул я вслух. — От Филиппа Филипповича!

Я расставил игрушки в ровный ряд и сфотографировал их. Потом сделал фотографию книги и сложил все обратно в кучу.

Старик наверняка жил в этой квартире когда-то, или здесь жили его родственники. Что ж, если хорошенько порыться в этих вещах, можно получить ответы на многие вопросы.

Я обошел всю комнату, разобрал и сложил заново все кучи старых, изломанных предметов, но ничего интересного более не нашел. Что ж, в квартире оставалась еще одна комната, кухня, коридор и санузел. У меня еще есть шанс отыскать сокровище.

Я вышел из комнаты и направился на кухню. Там я обнаружил почти целый буфетный шкаф и груду фрагментов мебели и посуды. Буфетный шкаф был красивый, старинный, может быть, даже девятнадцатого века. Я стал внимательно осматривать его. Почти сразу же мое внимание привлекла черно-белая фотография, вставленная за стекло буфетной створки. Как только я увидел ее, сразу понял, что ничего ценнее этого я не находил и, пожалуй, не найду.

На фотографии были изображены мужчина, женщина и шестеро детей: четыре мальчика и две девочки. Затаив дыхание, я вынул фотографию из буфета. На обратной стороне оказалась надпись: «Любимой семье Мишиных от дяди Жени на добрую память». Ниже была еще одна надпись другим почерком: «Филия — 16 лет, Гоша — 14 лет, Галя — 11 лет, Сережа — 9 лет, Маша — 6 лет, Захар — 3 года. Филипп — 40 лет, Лукерья — 36 лет». Вот и ответ! Семья! Здесь когда-то жила эта семья. И Филипп Филиппович — старший сын.

Я вставил фото обратно за стекло и сделал его снимок. А также сфотографировал сам буфет, он был весьма хорошо сохранившимся и наверняка смог бы украсить коллекцию моих фотографий.

«На сегодняшний день впечатлений, пожалуй, хватит», — подумал я и отправился к выходу.

Впечатлений действительно хватало. Как в моей голове, так и на карте памяти моего фотоаппарата. Едва вернувшись домой, я сразу уселся за свой компьютер и принялся разбирать сегодняшние снимки. «Надо будет как-нибудь суметь и самого Филиппа Филипповича сфотографировать», — мелькало в моей голове.

Я разместил в Интернете фотографии елочных игрушек (лисичек и белочек) и написал следующий пост:

«Сегодня я провел некоторое время в прекрасной квартире, о которой писал прежде. Мне удалось сделать совершенно удивительные находки. Постепенно я буду с ними вас знакомить. Начну с этих замечательных, чудом сохранившихся елочных игрушек. Любуйтесь ими, а я отправляюсь домой».

Пост мгновенно начал собирать «лайки». Мне было приятно, я уже представлял лицо Ольги Павловны, читающей его, начинал обдумывать свои следующие шаги... Но... Что-то было не так. Чего-то мне не хватало. Во мне вдруг зародилось чувство, ранее совершенно мне незнакомое. Точнее, совершенно незнакомо оно было путешественнику Синичкину, Синичкин-турагент испытывал его, кажется, постоянно.

Я вдруг ОСТРО почувствовал БЕСПОЛЕЗНОСТЬ того, что делаю. Ну хожу по Питеру, фотографирую закоулки, выкладываю в Интернете... и что? Кому от этого хорошо? Ну мне это интересно. И ВСЕ. И ВСЕ. Не знаю почему, но почему-то все это время моих тайных путешествий я ощущал, что занимаюсь чем-то важным и полезным. А в чем, собственно, заключается эта польза? Единственное — я делюсь с людьми информацией о том, где можно пожить во время посещения Санкт-Петербурга, выкладываю вдохновляющие фотографии, публикую малоизвестную информацию о культовых местах...

Но этого мало. Мне вдруг стало всего этого мало. Может быть, эти новые мысли, чувства появились во мне, потому что я осознавал: скоро должна наступить какая-то развязка, я зашел слишком далеко. Владик женится, больше прикрываться им я не смогу. Игра, которую я затеял в агентстве, продолжаться вечно тоже не сможет. Я должен что-то сделать, что-то сделать, пока я еще веду эту двойную жизнь.

И тут меня осенило. Я понял, что могу сделать. И я принялся писать новый пост:

«Дорогие ценители Петербурга! На этот раз у меня к вам серьезный разговор. Многие из вас, рассматривая мои фотографии, задают мне вопрос: а где это было снято? На этот вопрос я никогда не даю ответа. Я лишь показываю вам, насколько разнообразен Петербург, сколько в нем не исхоженных еще троп, не оцененных по достоинству построек, не изведанных никем уголков. Нередко я получал обиженные из-за моего молчания письма. Но и на них я никак не реагировал.

Но сейчас, дорогие мои путешественники, я очень хочу приоткрыть завесу тайны. Я решил, что держать в секрете местонахождение тех уникальных уголков Петербурга, которые я показываю вам на фото, эгоистично. В скором времени я начну рассказывать вам о них подробнее, а главное — я буду указывать их адреса. Таким образом, я дам вам в руки путеводитель по неизведанному Петербургу.

Торопиться я не стану. Я буду медленно погружать вас в мир незнакомого Питера, не торопясь рассказывая то об одной фотографии, то о другой.

Прошу вас дать мне время и не писать мне просьбы обратить внимание на то или иное интересное лично для вас место. Я сам буду отбирать фотографии, о которых захочу вам поведать. Замечу сразу, что фотографии очевидно личного характера, как, например, та квартира, о которой я буквально недавно написал пост, никак мной комментироваться не будут. Эта информация была бы некорректна по отношению к определенным людям».

Я нажал «Enter», и мой пост унесся в бесконечность. Впервые за долгое время я почувствовал облегчение. Мне казалось, что я решился снять одну из своих масок. Я решился рассказать людям о том, что скрывал долгие годы и что считал своим личным достоянием. Какой прок мне в этом достоянии?

Ольга Павловна хотела на этом достоянии делать деньги. Но... Я решил распорядиться им по-другому. И впервые за долгие годы я почувствовал, что совершил хороший правильный поступок, быть может, сделал людям добро...

Как я и предполагал, Ольга Павловна очень болезненно восприняла решение Матвея-путешественника. В понедельник утром она сначала рвала и метала, потом погрузилась в депрессивные мысли, запершись в своем кабинете. Все агентство молчало, тихонько шуршало документами и стучало клавишами компьютеров.

Часов в одиннадцать Иван Журавлев едва слышно постучал в дверь ее кабинета. Ответа не последовало. Он постучал немного громче, приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Не знаю, что он там увидел, но через мгновение он просочился в щель (почему-то не открывая дверь шире) и два раза провернул ключ в замке. Я посмотрел на своих коллег: никто никак не отреагировал на его поведение. Люди продолжали молча шуршать и стучать. Я опустил свое кресло как можно ниже и принялся ждать.

Ждать пришлось долго. Но, когда наконец дверь кабинета директора открылась, я увидел совершенно сияющее лицо Ивана Журавлева и спокойное (хоть и усталое) лицо Ольги Павловны. Ольга Павловна через секунду снова скрылась за дверью, а господин Журавлев бодрым шагом направился к своему рабочему месту (находящемуся рядом с моим).

— Ты чего такой довольный? — спросил я его, приподнимая сиденье своего кресла

Иван презрительно посмотрел на меня и сказал:

— А ты чего такой смелый и разговорчивый стал? В последние дни я не узнаю тебя.

Чтобы быть менее смелым и разговорчивым, я решил ничего ему не отвечать и вновь опустил кресло. Но господин Журавлев, кажется, был переполнен эмоциями. И потому он продолжил:

— Я предложил Ольге Павловне найти этого Синичкина и либо купить его идеи, предложить сотрудничество с нашим агентством, либо, если он откажется, проследить за ним и попробовать просто увести его находки из-под его носа.

— И что Ольга Павловна? — спросил я.

— Ольга Павловна категорически отказалась уводить что-либо из-под чьего-либо носа, но договориться с ним о взаимовыгодном сотрудничестве она планирует, — радостно ответил он.

— А у тебя что, есть выход на этого Синичкина? — осторожно поинтересовался я.

Иван пожал плечами, приподнял брови и, вызывающе взглянув на меня, произнес:

— Синичкин, ты что, первый день меня знаешь? Если мне нужно, я твоего тезку из-под земли достану.

Я ничего не ответил. Придя домой вечером, я опубликовал в сети несколько старых фотографий с подробным описанием местоположения объектов, запечатленных на них. Фотографии почти мгновенно собрали множество положительных оценок и благодарственных комментариев. В эту ночь мой сон был мирен.

К утру мои посты собрали от двух тысяч тридцати двух до двух тысяч пятисот восьмидесяти семи отметок «нравится» на разных ресурсах.

25

Приближались выходные. Приближалось время моего путешествия. Я заранее решил, что сразу после размещения в хостеле отправлюсь в квартиру на Некрасова. Буду продолжать ее исследование. Как-то незаметно эта квартира стала для меня чем-то вроде убежища, в котором я мог укрыться от враждебного для меня мира.

Открытие этого убежища, этого островка — кажется, самое большое событие за все время моих путешествий. Изучить каждый уголок, рассмотреть каждый сантиметр этого удивительного места — вот о чем я мечтал. «Буду искать тайники, — думал я, — попробую подлезть под плинтусы и подоконники. Уверен, что эта квартира — кладезь находок. Ну а когда на улице стемнеет, пойду бродить по различным кафе. План посещений уже готов.

Продегустирую некоторые блюда и составлю отчет с фотографиями и адресами. И вуаля — в понедельник Ольгу Павловну будет ждать еще один сюрприз. Да и Журавлева тоже. Напугал, тоже мне. Найдет он путешественника Синичкина. Ну пусть попробует».

На этот раз хостел я выбрал недалеко от моей заветной квартиры — на 6-й Советской улице. Он оказался ничем не примечательным, ничего оригинального в дизайне, никаких особенных идей. К тому же он, кажется, был уже довольно старым и немедленно требовал обновления. Особенно душевые: вентилировались они плохо, отчего в кабинках стоял несвежий воздух, а стены были постоянно влажными и изрядно покрытыми темным налетом.

Разместили меня в восьмиместном мужском номере. Помимо меня в нем проживали четверо молодых людей. И, как ни странно, эти-то молодые люди оказались единственными, кто порадовал меня в этом неприглядном хостеле.

— Петр! — протянул мне с порога руку улыбчивый молодой человек.

— Сергей!

— Прохор!

— Митя! — последовали его примеру остальные.

Все они были очень веселы. Лет им было по двадцать пять — тридцать. Всем своим видом они выражали готовность к общению и совершенное дружелюбие.

— Матвей, — немного растерянно от неожиданного приема соседей ответил я.

— Уж не Синичкин ли? — смеясь, воскликнул Петр.

— Он самый, — зачем-то сказал я.

Сказал и захотел провалиться сквозь землю. Сказал не подумав. Поторопился. Не ожидал такого вопроса. Еще никто и никогда вот так не знакомился со мной

и тем более не заговаривал о путешественнике Синичкине, и уж тем более не спрашивал: не он ли я.

После моего ответа ребята с шумом окружили меня, хором начали кричать и даже ошупывать меня.

— Матвей Синичкин? Тот самый? — наперебой восклицали они.

Мне ничего не оставалось, как продолжать свое признание.

«Вот и приоткрылась маска», — мелькнула мысль в моей голове.

Что ж, в последнее время все обретает какой-то неожиданный ход. Что будет дальше? Что... будет... дальше...

Молодые люди оказались приезжими из Ростова-на-Дону. В Петербург они прибыли на пять дней с туристической целью. Узнав, кто я такой, они объявили, что просто не простят себе, если упустят шанс поучаствовать в моих петербургских прогулках, сказали, что мешать мне не будут и заранее соглашаются на все условия, какие бы я им не поставил, лишь бы пойти со мной. Отказаться от их компании мне не хватило духу. Я сказал, что сейчас меня ждет важное дело, которым я должен заняться исключительно один, а вот после его завершения, вечером, я планирую пройти по нескольким кафе и составить отчет об их посещении.

Если поход по кафе представляет для них интерес, я готов взять их с собой. Молодые люди, разумеется, ответили, что такой интерес очень даже имеют, и мы договорились в 19.00 встретиться в хостеле, откуда вместе и отправимся бродить по кафе.

26

Попрощавшись со своими новыми знакомыми, я отправился в квартиру на Некрасова. На улице уже стоял апрель. Дни становились все светлее, длиннее. До настоящего тепла было еще далеко, но весна просачивалась в каждую трещинку на асфальте, в каждый крик птицы, летящей по совсем уже не зимнему небу, в каждое движение случайного прохожего, непривычно бодрого, светлого, радостного...

— Весна! — точно бы вторя всему вокруг, сказал я, выйдя из хостела на улицу.

Неспешным шагом отправился я в свою заветную квартиру, идти было совсем недалеко, мне не хотелось торопиться, хотелось насладиться дорогой, поразмыслить о Филиппе Филипповиче, о том, как эта семья Мишиных могла жить, когда квартира была обитаема, обо всем, что волновало меня все эти последние дни. Филипп Филиппович... Мне даже хотелось встретиться с ним снова, хотя эта встреча могла бы не позволить мне попасть собственно в квартиру.

Незаметно для себя я оказался у нужного мне дома. Я с радостью заметил, что дверь в подъезд была открыта: какие-то рабочие выносили строительный мусор во двор. «Не придется никуда звонить», — не без удовольствия подумал я. Пропустив очередного рабочего, тащившего какие-то старые доски, я вошел в подъезд. Повсюду было очень пыльно, лестница была усыпана щепками, кусочками штукатурки, рабочие сновали то вверх, то вниз.

«Да, не повезло тем, кто сейчас проживает в хостелах, которых в этом подъезде немало», — усмехнулся я.

Стараясь не запачкаться, я начал подниматься на второй этаж. Концентрация строительной пыли в воздухе становилась все сильнее. Мне даже неожиданно вспомнились уроки ОБЖ и очень захотелось приложить влажный платок к носу, чтобы облегчить дыхание. «Нелегко мне будет незаметно проникнуть в квартиру, рабочие не прекращают своих перемещений по подъезду!»

Я поднялся на второй этаж. Поднялся на второй этаж... и дальше идти не смог. Сначала не поверил своим глазам. Я замер на последней ступеньке лестницы,

схватившись двумя руками за выпачканные перила. Рабочие сновали туда и сюда. Туда и сюда. ИЗ МОЕЙ ЗАВЕТНОЙ КВАРТИРЫ И ОБРАТНО!

— Не может быть, — прошептал я. На лбу выступили крупные капли пота, внезапно я почувствовал сильную слабость во всем теле, на мгновение мне показалось, что я вот-вот упаду в обморок. Рабочие не обращали на меня никакого внимания и продолжали заниматься своим делом. Не знаю, сколько я так простоял. Наверное, долго. Наконец один из рабочих остановился около меня и, окинув внимательным взглядом, произнес:

— Вам плохо?

Я слышал его слова как бы во сне и ничего ему не ответил. Он тронул меня за руку и сказал:

— Молодой человек, что с вами?

Я точно очнулся и, взглянув на него, едва выдавил из себя:

— А... Что с квартирой?

— Как что? Ремонт, — ответил он.

— Зачем? — слабым голосом спросил я.

— А мне почем знать? Сказали: ремонтируем, хостел какой-то здешний расширяется, будем делать номера.

Я постарался взять себя в руки и более твердым голосом произнес:

— Что, продали квартиру хостелу?

— Ну в этом нам отчет не дают.

— А что Филипп Филиппович?

— Филипп Филиппович? — удивился рабочий. — Не знаю такого. Макар Евгеньевич здесь, Евгений Прокофьевич был утром, Игорь Парамонович...

— Игорь Парамонович? — зачем-то перебил его я. — Не надо... Не надо, спасибо... Не надо Игоря Парамоновича...

Я бросился вниз по лестнице что было мочи. Выбежал во двор и пробежал вперед несколько метров совершенно бесцельно. Потом резко остановился и пошел по тротуару. Мне вдруг стало ужасно холодно. Я обнял себя, опустив голову, сильно сторбился. Я шел так долго. О чем думал — не знаю. Где шел — не помню.

Я обнаружил себя сидящим на лавочке в сквере, щеки были залиты слезами, меня трясло. Люди проходили мимо, оборачиваясь на меня, кто-то отворачивался от меня. Я не мог сдерживать слез. И вдруг разревелся навзрыд, в голос. Закрыв лицо руками и ревел, не соблюдая приличий, не в силах взять себя в руки.

Много ли, мало ли времени я провел в таком стоянии, сказать не могу. Затихнуть мне удалось, когда недалеко вдруг слышались какие-то странные звуки. Сначала я не обращал на них внимания, но звуки были настолько странными, что наконец неожиданно для себя самого я стал к ним прислушиваться. Я не мог в это поверить, это казалось безумием, но... я отчетливо слышал, что кто-то пел по-французски. Пел женский голос, пел тихо, но чисто и совершенно точно по-французски. Я вытер лицо руками и повернул голову туда, откуда шел звук.

— Не может быть! — вырвалось у меня.

В нескольких метрах от моей скамейки стояла пожилая женщина, одетая в черную длинную юбку в пол, короткое пальто с широкими рукавами, отделанными мехом и очень старомодную шляпу. В руках у нее был огромный батон, раза в два больше обычного. От батона она отламывала маленькие кусочки и деликатным движением бросала их голубям, вившимся вокруг нее.

Я вскочил с места и подбежал к ней. Как безумный, вытаращив глаза, я в упор смотрел на нее. Она же окинула меня легким взором, улыбнулась, обнажив белоснежные зубы, и продолжила свое пение и кормление голубей.

— Это вы? — чуть ли не прокричал я, но сам испугался своего крика и уже почти шепотом спросил: — Это что, вы?

Старушка продолжала петь и кормить голубей, не обращая на меня, кажется, никакого внимания.

— Послушайте, я вас знаю, — шепотом продолжил я, — это вы были тогда, шесть лет назад! Вы совершенно не изменились!

Женщина повернулась ко мне и с улыбкой обвела меня взглядом. Затем она, продолжая улыбаться, вдруг заговорила. По-французски, конечно же. Разумеется, я не понял ни слова. Стоял как вкопанный и смотрел на нее. Она отломилась от своего батона довольно массивный ломоть и протянула его мне. Я взял.

Она отвернулась от меня и продолжила петь и кормить голубей. Я тоже начал отламывать от своего ломтя маленькие кусочки и бросать их птицам. Так мы дошли до конца парка и неожиданно оказались на троллейбусной остановке. Женщина снова повернулась ко мне и, что-то говоря по-французски, протянула мне свою руку в черной замшевой перчатке. Я пожал кончики ее пальцев, в голове мелькнула мысль: «Не поцеловать ли?» Но, пока эта мысль мелькала в моей голове, подошел троллейбус, женщина деликатно освободила свою руку из моей и легко, совсем по-юному, запрыгнула в него. Я стоял в оцепенении. Женщина помахала мне рукой через окно, и троллейбус увез ее. Я долго смотрел ему вслед. Происходящее казалось мне нереальным.

Иногда я думаю, что все это было сном. И, наверное, утвердился бы в этой мысли, если бы в моей руке не остался тогда кусок огромного батона.

Идти вечером изучать питерские кафе у меня не было ни сил, ни желания. Мне хотелось остаться одному. Мысль о ростовских ребятах приводила меня в ужас. Может быть, прийти в хостел пораньше, забрать свои вещи и улизнуть? Хорошая, однако же, слава пойдет о путешественнике Матвее Синичкине.

Терзаясь сомнениями насчет того, как же поступить со столь несвоевременными компаньонами, я подошел к хостелу. 18.00. Еще час до назначенного времени. Что же делать? Пожалуй, сейчас напишу записку о том, что меня срочно вызвали домой и я уехал. Оставляю записку на ресепшене. Заберу свои вещи и быстро уйду. Ни в какие кафе я идти не в состоянии. Пойду... Куда глаза глядят...

Я подошел к своему номеру, открыл дверь... и с ужасом обнаружил всю ростовскую компанию в сборе. От неожиданности я замер. Наверное, выражение моего лица было пугающим. Но ребята не испугались. Они все с прежней веселостью подскочили ко мне и объявили, что очень рады возможности отправиться гулять раньше на целый час. Я начал что-то мямлить в ответ, но они были так шумны и так восторженны, что мои слова затерялось где-то среди их звонких голосов.

Через несколько минут как-то незаметно мы всей компанией оказались на улице и уже шли куда-то по вечернему городу... Что я делаю? Что я делаю... Мое сознание было словно в тумане. «Не сон ли все это?» — снова промелькнуло в моей голове.

— Матвей, куда мы сейчас направляемся? — спросил Петр, когда мы прошли уже довольно большое расстояние.

Я остановился и внезапно понял, что даже не обращаю внимания на то, куда мы идем. Те кафе, которые я собирался посетить, были уже далеко. Да мне и не хотелось в них. Мне не хотелось никуда, и, вероятно поэтому, в голове моей появился новый план.

— Мы идем вперед по этой улице и заходим во все кафе, ресторанчики, бары, словом, во все заведения, которые повстречаются у нас на пути. В каждом из них мы будем заказывать что-нибудь одно: еду или напиток. И закончим похождения тогда, когда поймем, что ни есть, ни пить нам больше не хочется.

— Матвей, bravo! Потрясающий план! — в один голос начали кричать ребята. — Да здравствует импровизация! Спонтанность — это так здорово!

Я улынулся. Надо брать себя в руки. Нельзя портить им настроение. Они так счастливы! Они настоящие путешественники.

— А вон и первое кафе, смотрите-ка, это вареничная, — как можно бодрее сказал я, — кто голоден, как волк? Начнем сразу с горячего блюда?

Со смехом мы вошли в довольно уютную вареничную. Если бы сейчас я был в лучшем расположении духа, я обязательно отметил бы очень приятную атмосферу этого места. Заведение было точно выдержано в деревенском стиле, не было никакого лишнего пафоса, никакого вульгарного «разгуляя» и псевдонародности. Фолковая музыка звучала тихо, интерьер был выполнен в теплых тонах, мне показалось, что бревенчатые стены действительно пахнут деревом, к ним так и хотелось прижаться. В иное время я бы долго просидел здесь. Вареники нам принесли в горшочках, и ели мы их деревянными ложками.

— Как же здесь здорово! — не уставали повторять ребята.

Мое настроение стало немного лучше, по крайней мере я несколько успокоился, меня перестало трясти, и я начал вполне контролировать свои действия.

Я сделал фотографии вареничной, ребята тоже сделали свои снимки (фотографироваться с ними я наотрез отказался), и как бы нам не было здесь приятно, мы отправились в следующее место.

И следующее место оказалось довольно шумным баром, специализирующимся на пиве собственного производства. Здесь музыка была уже довольно громкой. У барной стойки и за столиками люди сидели с огромными кружками, наполненными пивом самых разнообразных оттенков. Они громко разговаривали, смеялись, музыка смешивалась с гулом голосов. Атмосфера была неплохой, просто она так разительно отличалась от той, в которую мы погрузились в вареничной, что мы никак не могли почувствовать себя частью этого веселого мирка.

— Ну что, по пиву? — стараясь быть как можно раскрепощеннее, предложил я.

— Конечно! — единогласно согласились ростовчане.

Мы уселись за свободный столик и заказали себе по пиву. Надо признаться, что ассортимент здесь был богатый и пиво, как выяснилось, было очень даже вкусным. Не теряя времени, я сразу же сделал несколько фотографий. Ростовчане попросили запечатлеть и их для моей коллекции, с жаром стали говорить, что будут счастливы, если их лица появятся на каком-нибудь из моих ресурсов. Когда же во время того, как я их фотографировал, к нашему столику подошла официантка, они зачем-то с восторгом начали рассказывать ей о том, кто я такой.

Это очень смутило меня, разозлило даже. Я всегда посещаю все места инкогнито, никто, кроме администраторов хостелов, в которых я останавливаюсь, не знает моего лица. Я попробовал усмирить моих компаньонов, строго сказал им, что запрещаю оповещать кого бы то ни было о том, кто я такой. Они испугались, начали извиниться, просить, чтобы я не прогонял их...

Но было поздно. Официантка, к несчастью, знала, кто такой путешественник Матвей Синичкин, более того, она оказалась его поклонницей, она принесла книгу, в которой посетители могут оставлять отзывы, попросила меня написать в ней что-нибудь, затем попросила сфотографироваться с ней, на это я уже согласиться никак не захотел, я начал вставать со своего места, собираясь просто-напросто сбежать из этого бара, но, к ужасу, увидел, что еще двое человек подошли к на-

шему столику, вероятно, они услышали имя известного путешественника и тоже захотели сфотографироваться с ним или просто посмотреть на него...

Я четко слышал, как кто-то произносит мое имя то здесь, то там, это приводило меня в истерическое состояние. «Бежать! Бежать! Бежать!» — крутилось в моей голове. Не думая уже ни о каких приличиях, я схватил свою куртку и помчался к выходу.

Вдруг я почувствовал чью-то руку на своем плече. Я остановился. Мороз пробежал по моей коже. Не знаю почему, но я сразу же почувствовал в этом прикосновении что-то недоброе, мучительное. Неотвратимое что-то.

— Простите, мне нужно с вами поговорить, — услышал я за спиной голос. Знакомый мужской голос.

Пот проступил на моем лбу. Я резко развернулся. Иван Журавлев. Иван Журавлев стоял передо мной. Я почувствовал, что мне стало трудно дышать. С мгновение мы постояли молча. Смотрели друг на друга с изумлением и не произносили ни слова.

— Ты? — вдруг как-то взвизгнул Иван.

— Иван? — глухо сказал я, обливав пересохшие губы.

— Да что здесь происходит? Объясни! — он продолжал визжать. Очень неприятно.

«Откуда у него этот визг?» — промелькнуло у меня в голове.

Я собрал все свои силы и, едва дыша, произнес:

— Да ничего, Иван. Ты с путешественником Матвеем Синичкиным хотел пообщаться?

— Хотел! — опять взвизгнул Иван.

— Так вот он перед тобой, — почти бессознательно сказал я.

— Ты??? Ты — Синичкин? Да ты мне врешь! — вдруг захохотал он и, развернувшись к собравшимся вокруг нас людям, прокричал: — Он вас обманывает! Я работаю с этим человеком в одном агентстве, здесь, в Питере. Он сумасшедший, похоже! Да кем ты себя возомнил???

Последние слова его были обращены ко мне. Они были полны ярости. Глаза страшно горели, он так выпучил их, что я боялся, как бы они не выпрыгнули наружу.

— Я — Матвей Синичкин, — тихо проговорил я.

— Да, твое имя я слышу не первый год! Но не прикидывайся путешественником!

— Матвей, покажи ему свой паспорт! — крикнул Петр, подскочив ко мне.

— Да что мне его паспорт, — истерически хохотал Иван, — он тезка известному путешественнику. Но вот только проживает он здесь, в Питере! И работает в турагентстве вместе со мной! И работает, надо сказать, отвратительно! Этот человек — обыкновенный неудачник, и, вероятно, для того, чтобы как-то скрасить свои серые будни, он решил поиграть в путешественника! Одежды модной, смотрю, купил. Но правда всегда выходит наружу!

С этими словами он вплотную приблизился ко мне, впился в меня насмешливым и наглым взглядом и прошипел:

— Будь уверен, я немедленно же напишу сообщение настоящему Синичкину, а все присутствующие мои слова подтвердят. И Ольга Павловна узнает о твоей выходке уже через несколько минут, я ей позвоню и во всех красках опишу нашу с тобой встречу.

Я посмотрел на людей, окруживших нас. Мои ростовские компаньоны глядели на происходящее с изумлением. Я перевел взгляд на Ивана. Он стал мне так омерзителен, что мне захотелось прямо сейчас размазать его лицо. Я схватил его за пиджак и уже собрался швырнуть его на пол, избить его, безжалостно, не сдерживая злобы. Но вдруг что-то меня остановило, держа его за пиджак, я подтянул его к самому своему лицу и прошептал:

— Ты прав, Иван.

Не знаю почему, но он вдруг впал в какое-то оцепенение и совершенно не сопротивлялся мне. Я отпустил его и направился к выходу. Только в самых дверях я услышал громкий истерический смех Ивана. Я не остановился. Я вышел на улицу и быстрым шагом направился куда глаза глядят. По щекам текли слезы. Свежий апрельский ветер трепал мои волосы.

28

Вот и все. Вот и все. А ведь он так меня и не разоблачил. Не поверил, что я путешественник Синичкин. Я ему это прямо заявил, а он обвинил меня во лжи. Какой же я маленький, ничтожный человек. Насекомое. Пустое место.

Я неожиданно расхохотался во весь голос. Несколько прохожих с испугом отскочили от меня. Я сорвался с места и побежал. Побежал в хостел. Прибежал в хостел. Схватил свои вещи. И снова побежал. Я добежал до железнодорожного вокзала. Подскочил к кассе. Перевел дыхание. Заглянул в окошко и прерывистым голосом спросил:

— Какой сейчас есть ближайший поезд?

— Куда? — недовольно ответила кассирша.

— Ближайший со свободными местами.

— В Москву поезд отправляется через пятнадцать минут. Вам что, все равно куда ехать? — подозрительно поинтересовалась она.

— Нет-нет, — поспешил успокоить ее я, осознав, что веду себя очень странно, — мне именно Москва и нужна.

Кассирша недоверчиво покачала головой и пробила мне билет. Почти бессознательно я добежал до поезда. И, только поставив ногу на ступеньку вагона, я понял, что ехать все-таки боюсь. С яростью я сделал шаг вперед и почти вбежал в вагон. Вагон был сидячим, довольно новым и комфортабельным. Как только я сел на свое место, поезд тронулся. Я схватился за подлокотники и закрыл глаза. Кажется, голова моя шла кругом.

— Обычно люди боятся самолетов, — услышал голос возле себя.

Я открыл глаза. Рядом со мной сидел интеллигентный дедушка лет семидесяти пяти.

— У меня фобия, — попробовал оправдаться я.

— Значит, вы нечасто путешествуете? — с улыбкой поинтересовался он.

Я покачал головой.

— А я, знаете ли, заядлый путешественник. Объездил полмира. Вот теперь я уж старый дед, а все езжу. Сейчас в Москву. А оттуда в Австралию. Два года копил.

— Я в детстве тоже мечтал...

— Филипп Филиппович, — неожиданно сказал он и протянул мне руку.

— М-м-матвей, — произнес я, заикаясь от изумления.

— Очень приятно, — с улыбкой сказал он, — а что, Матвей, ваша детская мечта еще напоминает о себе хотя бы иногда?

29

В вагоне действовал Wi-fi. Я открыл свой блог и написал, что сегодня Матвей Синичкин расширяет географию своих путешествий. И совсем скоро все интересующиеся смогут ознакомиться с его первыми фотографиями Москвы.

Санкт-Петербург Матвей ни в коем случае не оставляет, он продолжит радовать поклонников этого города интересной информацией. Просто сегодня он понял для себя кое-что очень важное.

Быть собой, понять, принять и исполнять свое предназначение — я думаю, это и есть та самая настоящая жизнь, к которой мы стремимся всей своей душой. Только исполняя свою миссию, мы можем быть счастливыми.

Человек, по тем или иным причинам не понявший своего предназначения или отказавшийся от него, до конца дней своих будет заполнять образовавшуюся пустоту самыми разными вещами. Но заполнить ее он не сможет. Человек, исполняющий свою миссию, всегда будет встречать на своем пути преграды, порой довольно серьезные. А как иначе. Нужно учиться эти преграды преодолевать. И благодарить Бога за каждую преграду. Преодоление каждой из них утверждает человека на его пути.

Сегодня я вновь после долгих лет какого-то сна увидел свой путь. И пошел по нему. Нет, не пошел, а поехал, что для меня особенно важно и радостно.

